

Меч равновесия

книга вторая

16+

Константин КУРАЛЕНЯ

Константин Кураленя
Меч равновесия. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Кураленя К.

Меч равновесия. Книга вторая / К. Кураленя — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Вторая книга романа «Меч равновесия» завершает рассказ о командировке капитана хабаровской милиции Павла Горюнова в... Гуннское государство конца I века нашей эры. Командировка была невероятно трудной и опасной. Но ему, пожалуй, впервые в жизни совсем не хочется возвращаться домой. Это оттого, что там, в далёком прошлом, у него появились верные друзья по оружию, осталась его любимая... Неужели он уже никогда не сможет с ней встретиться?

Содержание

Из истории Болгарии	5
1	6
2	12
3	15
4	20
5	25
6	29
7	32
8	38
9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Константин Кураленя

Меч равновесия. Книга вторая

Из истории Болгарии

В 680 году византийский император Константин IV двинулся с войском против «мерзкого и нечистого племени». Но... поход ромеев закончился провалом. Когда Василевс, страдавший подагрой, оставил войско и отправился в Месемврию, «чтобы по обыкновению принимать ванны», Аспарух предпринял контрудар – перешёл в наступление и разбил византийцев. После этого болгары во главе с ханом Аспарухом переправились через Дунай. Как повествует византийский историк Феофан Исповедник, Аспарух рассудил, «что место это отовсюду укрепленное и неприступное: спереди болотистое, с других же сторон окружённое, как венцом, реками, позволяло народу... отдохнуть от нападений врагов».

1

Степь изнывала от засухи. Солнце палило так, что не только воины, но и женщины не стесняясь избавлялись от лишней одежды. В ближайшие дни встретить источники воды не предвиделось, и войску был отдан приказ – экономить воду. Хан, отпустив поводыря, сидел на гнедом жеребце. Охрана Аспаруха следовала в некотором отдалении. Хана одолевали мысли о тщетности происходящего. Холодная тоска заполнила уставшую от раздумий голову: забот было предостаточно, на плечах лежала будущая судьба болгарского народа.

На вид Аспаруху можно было дать и тридцать, и сорок лет: походная жизнь делает человека старше. Лицо его было худощавым и слегка вытянутым. Правую щёку рассекал недавний шрам от сабельного удара. Пронзительный взгляд серых глаз проникал до самых потаённых уголков сознания его собеседников. Словом, это был человек привыкший повелевать. Одеждой хан не отличался от своих воинов, разве что она выглядела опрятнее. Ханский воинский доспех лежал в повозке, так что о нём сказать мы ничего не можем. И только богатая отделка рукоятей сабли и кинжала подсказывала, перед нами знатный воин.

Болгары были воинственным свободолюбивым народом. Предки Аспаруха когда-то состояли в союзнических отношениях с Византией. Они вольготно жили на степных землях юго-востока Европы. Но после битвы с готами в 480 году Боги отвернулись от его несчастного народа. Болгары потерпели поражение и были вынуждены покинуть свои степи. Не дождав помощи от вероломной Византии, они прервали с ней союзнические отношения. Через двадцать лет после знаменательной битвы болгарские воины огнём и мечом прошли по Фракии, изрядно опустошив её. В составе различных союзов и военных объединений они участвовали в походах против Византии.

Отец Аспаруха, хан Кубрат, сумел подчинить себе разрозненные войнами болгарские племена и организовал на Нижнем Поволжье союз племён – Великая Болгария. Но недолго просуществовал этот союз. Безжалостным половодьем из-за Итиля нахлынула новая напасть – хазары.

После первых же схваток с пришельцами хан понял, что не удержать своих земель болгарам. Слишком не равны силы. Тяжело раненый в битве, Кубрат призвал к себе пятерых сыновей своих, чтобы объявить им последнюю волю:

– Дети мои. Опора моя. Вот и настал черёд и мне уйти на встречу с Богами. В раннем детстве я усадил вас на коней и дал в руки сабли и луки. Говорил вам, что если родился человек мужеского рода, то он – воин. А это значит защитник своего племени.

Хану было трудно говорить. Он морщился от боли, и с трудом выталкивал слова из пересохшего горла.

– Не устоять нам перед хазарами, – затихающим голосом проговорил он. – Поэтому, слушай мой наказ, Карчун. Ты остаёшься здесь, будешь прикрывать отход. Враг силен и жесток, тебя, мой сын, и воинов твоих, может быть, достигнет смерть. Но помни, только такой ценой возможно спасти наш народ от гибели или позорного рабства.

Карчун наклонился к хану:

– Я задержу их, Великий хан. Это огромная честь для меня. Спасибо, отец!

– Прости меня за дерзость, – не выдержал совсем юный Аспарух, – верно ли твоё решение? Ведь Карчун, как старший из нас, должен унаследовать ханство. – Позволь остаться в прикрытии мне и братьям.

– Карчун ханство и наследует, оттого и будет защищать его, – сверкнул глазами Кубрат. – Но отныне, запомните, не будет единого Великого Болгарского ханства...

У ложа раненого Кубрата повисла тишина. Обменявшись меж собою удивлёнными взглядами, окружающие устремили взоры на хана.

– Повелеваю вам разделиться на три орды. Одна пойдёт вверх по Итилю. Я слышал, там проживают мирные племена. Туда поведёт людей Батбай. Вторая орда, под предводительством Алцека и Аспаруха, повернёт обратно к границам Византии и попробует там строить своё государство. Византия ослабела. Славяне, так же как и мы, отражают натиски хазар и аваров. При умелой политике, вы сможете стать им добрыми союзниками. С третьей ордой пойдёт... – Хан посмотрел на Кубера, – который будет двигаться за ордой Батбая, но своею путём-дорогою. Не скрою, я надеялся на помощь гуннов и ругов в нашей борьбе, но после смерти конунга, государство ругов перестало существовать... Мы не должны повторить их судьбу.

Хан ещё раз оглядел своих сыновей.

– А ведь я надеялся, что наш народ достаточно окреп. Но-о, – выдохнул он не скрывая сожаления. – Время. Проклятое время. Вечно его не хватает. Возможно, в союзе с гуннами мы бы и одолели хазар... И ещё, это моя последняя воля: никогда не должно быть между вами распрей за власть. Помните! Чтобы не случилось, всегда младшие подчиняются старшим.

Братья согласно склонили головы.

–

Всё. Готовьтесь в дорогу. Да не так, чтобы с криками и воплями, а скрытно. Ночью выступаете и расходитесь. И да помогут вам Боги. А я останусь с Карчуном. Хочу умереть с мечом в руке.

Хан тяжело вздохнул и устало закрыл глаза, давая понять, что аудиенция закончена.

До самого вечера в строгой секретности люди трёх родов делились по отрядам. Дети, старики, старухи, молодые девушки, словом те, кто не мог держать в руках оружие и стал бы обузой для остающихся в обороне, уходили. Получилось так, что с младшими братьями уходило меньше людей. И была это в основном молодёжь.

–

Вам доверяю я свою дочь, – говорил Карчун Алцеку и Аспаруху. – Сыновья, они уже воины, останутся со мной, а Гульну сберегите. Она продолжатель моего рода.

–

Тэрену всего двенадцать лет, отправь его с нами, – пожалел мальчишку Аспарух.

– Уже двенадцать, поэтому он остаётся со мной, – жёстко ответил Карчун.

Когда наступила полночь, уходящие в последний раз прижали к груди остающихся, и двинулись в неведомое будущее. Ночь и следующий день шли без привалов. Лишь в наступивших сумерках, подыскав безопасное место, расположились на отдых. Уставшие люди и кони провалились в тяжёлый сон. Им было даже не до еды.

Много лет прошло с тех пор, но не нашли своих земель болгары. Словно Иисус Христос водил свой народ по чужим землям Аспарух. Подёрнулись первой сединой чёрные кудри хана. Покрылось шрамами ко всему привычное тело, но не было успокоения его народу.

Гонец брата принёс весть с Итиля: орда Батбая прочно осела на берегах реки в среднем её течении. Но, чтобы это стало возможным, им пришлось усмирить свою гордыню и поклониться хазарскому каганату, став его данниками.

– Хан Батбай зовёт вас к своим кострам, – закончил рассказ гонец.

– На поклон к хазарам? – хмуро переглянулись Алцек и Аспарух.

– У них сила, – развёл руками посланник. – Даже Большой Город (Константинополь) платит им дань.

– Пусть и нам платит! – решительно сверкнул глазами Аспарух.

– Идём, брат, на Византию! – поддержал его Алцек.

Брошенные в горячке слова были выстраданы долгими годами скитаний по бескрайним степям и лесам. Братья понимали, что терять им нечего. Идти в данники к хазарам они не желали. Пусть империя потеснится. Братья переглянулись, и впервые за многие дни на их губах появились улыбки.

– Что слышно о нашем брате Кубере? – перевёл разговор на другую тему Алцек.

Аспарух понял, что тот боится спугнуть зарождающееся решение, и специально отодвигает его в сторону, давая ему сформироваться и окрепнуть.

– Орда хана Кубера сгинула в землях лесных народов. О них неизвестно ничего, – ответил гонец.

– Мы не сгинем, – твёрдо произнёс Аспарух.

На следующий день, полные надежд, они размеренным маршем двинулись в направлении границ Византии.

Три дня пути прошли без происшествий. На четвёртый за ними увязался хазарский отряд, числом около тысячи всадников, и стал пощипывать лёгкими налётами. Большого вреда не было, но темп движения снизился. Люди нервничали. Воины были вынуждены не снимать брони. Аспарух сам водил пять сотен воинов на сближение с надоедливym врагом. Но те боя не приняли и отошли. Стало ясно, что противник желает сковать продвижение отряда до подхода своих основных сил. К закату солнца воины Аспаруха изрядно вымотались. Требовалось срочно что-то предпринять.

Алцек с Аспарухом решили разведать где наглецы устраиваются на привал и, если получится, уничтожить их. Хазары как сквозь землю провалились. Наконец, разведка принесла вести о местонахождении врага.

Алцек собрал полторы тысячи всадников. Обмотав копыта лошадей тряпками, они устремились в указанном направлении. Утром в лагерь вернулось чуть более тысячи воинов. С собой они привезли раненого Алцека. Стрела вонзилась чуть ниже сердца. Жизнь еле теплилась в этом, ещё несколько часов назад, здоровом и крепком теле. Врачеватели стрелу вынимать запретили. Аспарух склонился над братом и горестно повторял:

– Алцек, брат, неужели всё напрасно?

На какое-то мгновение Алцек пришёл в себя. Едва шевеля окровавленными губами, прохрипел:

– Прости, брат... Помни, я не вся Болгария... Тебе будет трудно, но сделай это... За брата своего и отца...

Вдруг он выгнулся предсмертной дугой и стал шарить рукой по ковру.

– Саблю! – закричал Аспарух. – Дайте ему саблю!

Сжав рукоять сабли, верховный хан сник телом, оставив тридцать тысяч подданных на попечение брата.

– Брат, извини, что не могу сейчас похоронить тебя по закону предков.

– Заверните его в ковёр, – приказал Аспарух воинам. – На следующей остановке устроим по нему тризну. Теперь в путь, братья! Горе будем после горевать.

Великое кочевье вновь принялось наматывать средневековое бездорожье на скрипучие колёса кибиток. Тридцать дней и ночей продолжался их путь, пока не грянула очередная беда. Пропала Гульна. Не просто пропала; охрана вырезана, исчезли две сотни сопровождавших её девушек. Аспарух не находил себе места. Рок какой-то. Рядом не осталось ни одного близкого человека. Брата не уберёт, племянницу отдал на поругание врагу. Посланные во все стороны отряды вернулись ни с чем. Все сходились в одном – это не хазары, а одна из бесчинствующих банд наёмников. Пленниц, скорее всего, продадут византийским купцам. Такой товар всегда в цене.

Перед Аспарухом встал вопрос – двигаться дальше или, не смотря на огромный риск, остановиться и заняться поисками племянницы. Хазары больше месяца не подавали о себе вестей. Видимо, сбились со следа. Похоже, немного времени есть, и Аспарух решает разыскать похищенных. Вновь посланы разъезды разведчиков. Первая неделя результатов не принесла. В конце второй одна из групп привезла тщедушного лохматого человечка.

– Этого мы взяли в небольшом селе Илурат. Интересные вещи рассказывает, – доложил десятник.

– Кто таков? – грозно нахмурил брови хан.

– Посельщик я, землепашец по имени Хлопун.

– Ну, говори Хлопун, что тебе ведомо.

– Не так давно наехала к нам большущая армия. Счёту я не обучен, но староста говорил о трёх тысячах. Ханом у них состоял Мусокий. Сам он аварец, но в его армии и гунны, и тавры и ещё разных племён воины. Вели они большой полон. В основном молодые бабы и девки. Откармливали их перед приходом покупателей – византийских купцов. Из разговоров воинов меж собой, понял я, что они дезертиры из разбитой армии гуннов. Пока в нашем селе стояли, их отряды по окрестностям шныряли и новый полон привозили. В основном славянок. У византийцев они в цене.

– Погоди про славянок. Болгарки среди них были?

– Были. С ними и княжна болгарская.

– Что с княжной?

– С княжной? Да жива, поди, княжна. В неволе-то несколько дней всего-то и пробыла.

– Не понял? – удивился хан. – Сбежали что ли?

– Тут-то самое интересное и начинается, – заухмылялся Хлопун. – Про такие дела люди сказы слагают.

– Не томи, дело говори! – поморщился хан.

– Дык я и говорю. Прошло несколько дней как привезли гуннскую королеву и с ней девок.

– Какую королеву? Не было у них королевы, – зарычал обозлённый медлительностью рассказчика Аспарух.

– Ну вот! Сначала торопят, а потом говорить не дают.

– Да говори уже, – смирился хан.

– Так вот, как только королеву привезли, хан Мусокий от радости аж бороду свою тереть стал. Было от чего. Королевна та красоты невиданной! Увели её к нему в шатёр. С той поры я её не видел...

Хлопун замолчал. Поднял глаза к небу.

– Причём тут королева? Ты мне...

– Погоди! Не сбивай с мысли. Как припоминается так и рассказываю.

Аспарух махнул рукой. Он окончательно понял, что этого землепашца и оглоблей не проймёшь.

– Ночь прошла, а под утро, – землепашец поднял палец, – такой тарарам начался! Огонь, крики, лязг оружия. Оказывается, король гуннов за своей королевной вернулся. Ясно-понятно, за красоту такую и к Велесу попрёшь.

– Один? – в один голос воскликнули слушатели.

– Да нет, не один, с десятком телохранителей.

Болгары переглянулись.

– Освободил пленницу?

– Не только её! И полонянок королевы освободил, всех до единой. В придачу ещё и Мусокия срубил.

Хлопун свысока посмотрел на окружающих, будто бы сам он королеву спас.

Наступила тишина.

«Что же за богатырь такой? Откуда взялся? – задумался Аспарух. – По степи о нём известий не было. Король? Муж принцессы Тины? Но гунны ведь разбиты...»

– Ладно, Хлопун, рассказывай дальше.

– А что дальше? Вскочили они на коней и фьют. Ищи ветра в поле. За ними вдогон ринулась тыща всадников. Вскоре смотрим – пыль над степью. Думаем: отбили спасённых, возвращаются. Ан нет! Тыща движется, да не та тыща. Видим, а это тот самый король – спаситель королевы. Оказывается, его воины погонщиков в засаду свою заманили, да там же и положили. Не простил им король обиды, вернулся наказать остальных. Набросился, полтыщи обидчиков срубил, остальные живота запросили. Сами в плен попросились. Повязали их. Когда сраженью конец пришёл, мать земля! А у короля-то воинов почитай втрое меньше, чем он полону взял. Вот умора была. Сидят связанные на земле, глазами зыркают, в горло готовы зубами вцепиться, но поздно уже, руки-то верёвкой стянуты.

– А что с пленницами?

– Показали королю другой полон женский. Велел в первую голову накормить всех и в реку загнать. Затем отдал им обоз, что награбили дезертиры. Выбирайте, говорит, кому какая одежда глянется, и продуктами на дорогу запаситесь.

– Отпустил?

– Отпустить – не отпускал, но и не держал.

– Как это?

Рассказ Хлопуна всё более захватывал слушателей: «Чтобы так обращались с пленными, да ещё с женщинами! Про такое раньше слышать не доводилось».

– А ещё король сказал, что он русский конунг Само, женат на гуннской королеве Тине. Что он ведёт свой народ на земли славян и, если кто пожелает, может следовать за ними. Обид, говорил, чинить никому не будет. Кто дойдёт до родных мест, могут там и остаться. Кто пожелает, тот может идти и дальше с ними.

– А что болгарская княжна?

– Она последовала за ним. Король ей сказал, что знает о вашем продвижении и, возможно, что пути пересекутся. Вообще, странный король какой-то. Как прослышал, что дезертиры с полоном творили – лицом изменился. Велел всех командиров, от десятников до тысяцких, вывести на открытое место и тотчас срубить... Чудно! За баб!

Хан задумался. Если верить словам землепашца, то Гульна свободна. А если последовала за конунгом руссов, то признала в нём надёжную защиту. Значит надо сниматься и идти навстречу судьбе. Видно так угодно Богам.

Но он не успел отдать приказ о сборе. С севера на взмыленных лошадях примчался один из разъездов.

– Великий хан! Хазары! Полдня пути.

– Много?

– Много хан.

Ну, вот и дождались, – похолодело в груди. Сниматься с укреплённого для обороны места уже не имело смысла. Он мог отдать лишь одну команду.

– К бою!

И закрутилась предгрозовая карусель. Воины знали свои места в бою, вмешиваться не имело смысла.

Позиция у болгар была не плохой. С одной стороны прикрывал густой лес, а с другой – глубокий овраг. Прямо через лагерь текла речушка, так что и от огня было чем защититься.

Задолго до того, как появились первые всадники, Аспарух по топоту копыт понял, что сила идёт немалая.

«Ну что же, – вздохнул он. – Тем почётнее будет принять смерть». – Страху не чувствовал, было стыдно перед памятью отца, что не сдержал своего слова».

Когда хазары высыпали на поле перед кибиточной крепостью болгар, стало видно – в орде тысяч тридцать всадников. На равный бой в поле рассчитывать не приходилось.

«Не так их и много, – подбодрил себя Аспарух. – Столько же, сколько и нас, вместе с детьми и женщинами. Боги позволят – отобьёмся».

Между тем, хазары с ходу, с воем и визгом устремились в атаку. Поливая осаждённых потоком горящих стрел, они кружили каруселью на безопасном расстоянии от границ лагеря. Пошлёт воин одну-две стрелы и в сторону...

Появились первые убитые и раненые. Но поджечь кибитки нападающим пока не удавалось, пропитанные водой шкуры гасили пламя. Пока выручало то, что хазары в пешем строю не воевали. Их воин с малолетства, оседлав лошадь, жил и умирал на ней. Цель такой атаки заключалась в том, чтобы нарушить кольцо обороны: поджечь или растащить арканами часть повозок лагеря. Когда сделан проход, тогда руби, убивай и дели добычу.

Защитникам зевать было некогда: рубили арканы, гасили возгорания. Борьба пока шла на равных. Хазары не спешили лезть под стрелы, зная, птичка в западне и помощи ждать неоткуда. Чем труднее достаётся добыча, тем сладостней миг победы. За стеной повозок добыча и женщины. Много женщин...

Поэтому круг – две стрелы. Ещё круг – и снова две стрелы. Если не срезал с седла выстрел болгарского стрелка – повезло. Вот Али не повезло – лежит на изрытой копытами земле. Не нужна ему уже новая жена. А мне нужна. Я ловкий. Меня не убьют. Капля камень точит. Круг – две стрелы. Ещё круг – ещё две стрелы...

2

Какая всё-таки скукота эти длительные пыльные переходы под палящим солнцем.

Покачиваясь в такт движения коня, Павел размышлял о том, какие бы ещё нововведения применить для своего войска. Но мысли путались и рвались на части...

Вспомнился Драгмир со своей любовью – княжной болгарской. Она ему свет застит, на ровном месте уже спотыкается. Ещё та подруга, поискать. Глазки только и умеет строить, а больше ничего. «Дядя хан... Честь рода... То да сё...» Короче – пропал хлопец. Каши нам теперь с ним не сварить... Тина от меня, вроде бы, отстала или козни новые выстраивает по мою душу. У неё ведь просто так ничего не бывает. Коль притихла, добра не жди. Радует, что чуточку степеннее стала. Будущая мамаша всё же. Губы Павла непроизвольно расплзлись в счастливую улыбку. К Груту поехать, что ли? Об оружии потолковать. Он приглашал... Но это – очередное застолье. Просто так не отпустит... Ну и чёрт с ним, вдвоём, глядишь, что-нибудь толковое придумаем!

Павел, развернув коня, направился к своему товарищу и первому заму.

Грут сидел в кибитке босой и в одних штанах. Жара. Она всех сводила с ума.

– А, наконец-то мой король вспомнил своего верного слугу! Милости просим! Здравы будем! – чуть не криком встретил он капитана, пока тот протискивался в кибитку.

Павел сразу понял, что конунг уже принял на грудь.

– И тебе того же, – скромно ответил Павел. – Вот зашёл насчёт оружия договорить. Прошлый раз про лук ты мне хорошо всё обсказал, а про копьё – нет.

– Не с того, твоё величество, начинаешь. Ты ведь кто сейчас у меня? Гость! А что гостю в первую очередь преподносят? Неждана! Ты как короля встречаешь!

Из-за полога, сильно смущаясь выскользнула гибкая фигурка девушки и, потупив глаза, протянула гостю чашу с мёдом.

У Павла от удивления глаза поползли на лоб. Он автоматически принял чашу, а девушка, грациозно поклонившись, скрылась за пологом.

Капитан всё так же, на автомате, замахнул чашу и отгёр бороду.

– Ну, ты, блин, даёшь! – вымолвил он, отбрасывая чашу. И тут же, будто очнувшись от наваждения, зарычал. – Ты, что же это, надёжа-князь, творишь? Кому я говорил: «Не потерплю насилия!» Котяра ты мартовский! – Павел непроизвольно потянулся к рукояти сабли.

Грут побледнел и стал отходить назад.

Из-за полога с криком: «Нет!» – выскочила Неждана и упала к ногам Павла.

– Король! Не казни его. Я сама пришла. Люб он мне.

– Так он же старый, – от непонимания ситуации сморозил глупость Павел. И прекрасно сознавая это, сделал попытку исправить оплошность. – Ну, это. Я хотел сказать – ты девушка, а он уже в годах.

– Да он любого молодого в бараний рог скрутит.

– Не надо за меня заступаться, женщина, – Грут как пушинку поднял Неждану и отставил в сторону. – Сам за себя могу ответить. Руби мне голову, король.

– Грут, дружище, прости. Морена попутала. Ты ведь знаешь, как я ненавижу насильников. – И, повернувшись к Неждане: – Что стоишь? Мне и моему конунгу Груту по мировой чаше мёда.

Грут всё ещё обиженно сопел:

– А сам говорил «Я вас на княжнах женю».

– Правильно говорил. А Неждана ведь гостья у нас. Нам через земли её отца идти. Политика.

– А мы уже сговорились. Вот отец даст благословление и поженимся. Верно я говорю?

Неждана зарделась, но глаза счастливо блеснули.

«А князя то мои не промах, – подумал Павел. – Раз и в дамках. Конечно, был бы на месте Драгмира Грут, то и болгарская княжна у него в кибитке бы уже разгуливала. Опыт – великая сила. Интересно было бы знать, после свадьбы угомонится?»

Как бы отвечая на его вопрос, Грут махнул рукой и сказал:

– О копьях потом расскажу. Гулять, так гулять!

Павел, заглаживая свою вину, промолчал.

– Неждана, позови каких-нибудь девушек. Не пристало будущей жене конунга за столом прислуживать.

– Да мне и самой не в тягость.

– Прекрати! Что о нас король подумает.

«Горбатого могила исправит». – Вздохнул капитан. Но, чувствуя за собой вину за случайно брошенную фразу, спорить дальше не стал.

Чаши с мёдом подносили потом две девчушки славянской внешности.

Поднимая очередную чашу, Грут, глядя прямо в глаза Павлу, спросил:

– Неужто, за девку срубил бы?

Не отводя взгляда, тот ответил:

– Не за девку...

– Не понял?

– За невыполнение приказа.

– Вот теперь понял, что из тебя настоящий вождь получится.

– Послушай Грут, воинам твоим и тебе не обидно, что вас из гуннов в ругов, руссов переименовали?

Грут расхохотался.

Павел терпеливо ждал, пока он отсмеётся.

– Среди нас и так половина ругов. Можно сказать – твоих земляков.

Павел вопросительно посмотрел на Грута.

Тот пояснил:

– На Каталаунских полях руги сражались на стороне Аттилы. И естественно, вместе с ним потерпели поражение. А куда им было возвращаться. Вот они вместе с нашей армией и вернулись за Понт. Да ты их видел. У них бритые подбородки и длинные усы. А затылки выбриты так, что один чуб торчит. На правом плече выколот дуб. Это дерево для них священно. Они около него, вместо капища, Богам поклоняются.

«А ведь и князь Святослав, и казаки точно также брили головы, – подумал Павел. – Вот ведь традиции в народе живучи, к примеру, тот же дуб Вещего Олега. Да тут над чем подумать историкам – откуда Русь-матушка пошла. А может и я чем поспособствовал?»

Девушки наполняли воинам чаши. Капитан, уже привыкший к забористому напитку, пьянел не так быстро. Но мёд брал своё, в голове начинался шум и язык понемногу развязывался.

– За прекрасный пол, – заявил он.

Грут, уже изучивший его привычки, лишь согласно поддакнул и завершил тост фразой Павла:

– ...Гусары и офицеры пьют стоя.

«Моя школа», – поднимаясь, отметил Павел.

– За такой тост прекрасные девы обязаны выпить вместе с нами, – добавил Грут. – Неждана?

Но княжна, зная характер своего суженного, успела незаметно испариться. Грута это не очень огорчило. Он заставил девушек налить себе чаши и выпить, затем смачно расцеловал каждую.

– Вот это – по-нашему!

Девушки с укором посмотрели на Павла. Мол, а ты почему не целуешь?

Но капитан предпочёл не обращать внимания на призывные взгляды.

Девушки, хихикая, разливали по новой чаше, уже не забывая и себя. И пошла гулянка. Никто не обратил внимания на вошедшего в кибитку Драгмира. Глядя на развернувшуюся перед ним картину, тот осуждающе покачал головой и произнёс:

– Король, прибыл дальний дозор.

– Зови! – обрадовался известию Павел, потому что не знал, как выпутаться из возникшей ситуации.

– Половину дня пути отсюда идёт битва. Силы бьются изрядные. Десятки тысяч, – доложил дозорный.

– Кто с кем?

– Похоже, хазары прижали к лесу болгар.

– Это Аспарух! Твои разведчики как думают, есть у болгар шанс?

– Если только за них встанут Боги.

«Может в этом и есть моя миссия, – трезвея, подумал Павел. – Первое славянское государство губят в зародыше. Если хазары сомнут болгар, то и не будет Болгарии».

– Ну что, Драгмир, давай поможем твоему будущему тестю?

– Но король, это не наше дело. У нас даже союз с болгарями не заключён, – высказал своё мнение Грут.

– А как ты мыслишь, конунг, после того как хазары разделаются с болгарями, за кого они примутся?

Грут понял, капитан прав.

Павел ответа и не ждал, уже принял решение.

– Идём в помощь десятью тысячами. Пять тысяч пехоты и пять кавалерии. Эх! Жалко катапульты медленно передвигаются. Придётся без них. Грут, выбирай место и организуй оборону лагеря.

– Но король!

– А кому, по-твоему, я могу доверить жизнь королевы? – урезонил его Павел.

Грут замолчал. И в самом деле, кому?

– Со мной идут тысячи. – Павел перечислил имена тысяцких. – Пехота берёт длинные пики, как это было при битве с Курватом. И тактика будет примерно такой же.

Когда прибыли все тысяцкие, Павел подробно расписал действия каждой тысячи, предоставил им краткое время на сборы. Сам направился к Тине.

– Не понимаю, зачем вмешиваться в чужие распри? – плакала у него на груди девушка. – Болгары не помогали нам, когда бились с хазарами.

– Так надо, родная. Верь мне, – целуя её в губы, шептал Павел. – Так надо. Я обязательно вернусь. Нам ещё сына растить.

Тина, безвольно опустила руки: «Если он так решил, значит так надо. Он воин и вождь».

Павел поскакал к ожидавшим его воинам.

– Ну что, бойцы, поможем братьям болгарам? Хочу, чтобы каждый знал, что бьёмся за себя, а не за болгар. Ведь разбив болгар, хазары примутся за нас. А вдвоём и батьку бить легче, – добавил он. – Вперёд! С нами Боги!

Войско двинулось, покидая спешно укрепляющийся лагерь. Что ждёт каждого из них на этом пути? Только Богам ведомо – кому жизнь, а кому вечная слава.

3

До самой ночи войска Аспаруха отбивали атаки хазар, и лишь когда совсем стемнело, противник угомонился. Хазары развели костры и стали готовить ужин. В лагере осаждённых занимались тем же самым. Война войной, а обед по расписанию.

В первый день осады потери с обеих сторон были невелики. Разве что хазаров десятка на три больше полегло. Вот лошадям досталось. Как только их не укрывали, да мишень уж больно крупная. И та и другая сторона понимала, что осада может затянуться надолго. Это было на руку хазарам. К ним могло подойти подкрепление. Болгары, увы, были лишены такой возможности.

Хазарами командовал хан Бирей. Он уже предвкушал, как будет докладывать Великому хану о победе. А что она будет, он не сомневался. В трёх днях пути по его следам шли двадцать туменов хана Исынбая. Да они просто сомнут непокорных.

В это время Аспарух со своими тысяцкими обсуждал различные варианты обороны и возможность вырваться из западни. Ночная вылазка отпадала. Хитрый Бирей расположил свои войска так, что болгарские воины в любом случае попадали в засаду.

—

Как-то они нас жгут лениво, – подал голос Саттабай, друг и первый помощник Аспаруха.

—

А что тут не понятного. Они прекрасно знают, что мы идём со всем своим имуществом. А зачем им просто наши трупы. Вот они и бьют в одно место, надеясь расшатать оборону. Друзья, у кого есть мысли как нам быть?

Совет молчал. Да и что тут скажешь. Думай не думай, помощи ждать неоткуда. Один выход – идти на прорыв. А там всё в руках Богов.

– Будем прорываться, – подвёл итог Аспарух. – Сегодня ночью подготовить лагерь к тому, чтобы мы в одно мгновение могли встать на колёса. Я не думаю, что завтра днём Бирей примет какие-либо активные действия. Будет то же самое, что и сегодня. Поэтому день обороняемся, а ночью всеми силами наваливаемся на их лагерь. Обоз, в сопровождении трёх тысяч воинов, будет двигаться впереди.

– Ночью сложно биться хан. Где свои, где чужие...

– Знаю. Поэтому каждый воин должен иметь на руках и на голове белые повязки.

Совет был прерван появлением телохранителя.

– Прости, о Великий! От Бирея послы прибыли.

– Что ж, идём послушаем, на каких условиях он нам будет предлагать сдаваться.

Военачальники гурьбой двинулись к месту встречи. Перед повозками в свете факелов горячили резвых коней пять всадников.

– Веди переговоры, – шепнул Аспарух Саттабаю.

– Кто такие и по какой надобности прибыли? – крикнул тот.

– Я темник хана Бирея, Ятагай, – важно ответил один из пятёрки. – Хан предлагает не лить кровь понапрасну.

– А мы не хотим её лить вообще. Вы дайте нам дорогу, и мы уйдём. Можем заплатить выкуп.

– Хан Бирей добрый. Он согласен, но с одним условием. Все женщины и имущество остаются здесь. Воинам разрешается взять с собой только мечи и ножи. Лошадей оставляете вместе с женщинами.

Над болгарским лагерем поднялся вой и улюлюканье.

– Нашли баранов! Да вы нас тут же перебьёте как кутят! Жён наших вам не видать! – негодовали воины.

Стараясь перекрыть возмущённых воинов, Ятагай закричал что было сил:

– Те воины, что пожелают служить хану, могут перейти к нему хоть сейчас!

Над лагерем повисла тишина. Ятагай погорячился: нарушил неписанный закон переговоров. Условия выставляй, торгуйся... Агитацию не веди, не склоняй к измене!

– Я-то думал, что это переговорщики, – разочаровано произнёс Аспарух. – А это лазутчики. Убейте их! – И развернувшись, направился к своей кибитке.

Вслед за свистом стрел раздались вопли неудачливых парламентёров. Иногда переговоры, зашедшие в тупик, плачевно заканчивались. Аспарух кодекса чести не нарушил. Он приказал убить лазутчиков. Распорядившись на ночь поставить в караулы самых зорких, он со спокойной совестью улёгся спать.

Утром его разбудили телохранители.

– Хан, там опять хазары толкутся.

– Чего этим вонючим баранам надо? Воевать? Ну, так воюйте. Что по утрам бродить? – Ворча, Аспарух надел броню и направился к месту вчерашних переговоров.

Его командиры были уже на месте. В отдалении маячил конный отряд хазар. При виде вышедших на крыши кибиток болгар, оттуда раздался крик:

– Аспарух, трусливый пёс, зачем убил моих послов?

– Разве послы были? А я решил, что это лазутчики. Они пытались склонить моих людей к измене. Ты, наверное, также поступил бы, хан?

– Глупый Ятагай. Он что, предлагал воинам перейти на нашу сторону, – сплюнул в сердцах хан.

– Всё равно ты не должен был так поступать, Аспарух. Я велю с тебя живого нарезать ремней и буду стегать ими твоих самых непокорных наложниц, а из твоего черепа сделаю чашу. Но вино я пить из неё не буду. Она будет мне вместо ночного горшка.

Аспарух расхохотался.

– Коли так, то о каких наложницах ты говоришь, хан? Сам-то уже и по малой нужде не в состоянии выйти на улицу. Уж не своей ли козлиной бородой ты их собрался щекотать.

Взрыв смеха прокатился по лагерю болгар. В сторону хазар полетели стрелы. В ответ те злобно бросились на приступ. Карусель вчерашнего дня закружилась вновь.

Хазарам удалось поджечь одну кибитку. Громко галдя, они устремились к брешу. Но возникшее столпотворение сыграло на руку болгарам. Они встретили врага кипятком и градом стрел. И перед брешью образовалась гора трупов.

Бирей в бессильной злобе заскрипел зубами.

– Идиоты! Ринулись стадом, мешая друг другу.

Далеко за полдень начались странные вещи.

– Хан, посмотри, что это? – указал рукою Саттабай за спины хазарской конницы.

Там словно из-под земли выросли стройные ряды пеших воинов. Они дружно подняли луки и сделали первый залп в мечущихся хазарских всадников.

Когда гуннская кавалерия скрытно прибыла к месту сражения, то капитан сразу определил, что война ведётся вяло. «Мы их сейчас взбодрим», – весело подумал Павел.

Определившись с ситуацией, он собрал тысяцких и стал раздавать указания.

– Четыре тысячи копейщиков скрытно по траве подбираются как можно ближе к резерву хазар и, выстроившись в четыре шеренги, открывают стрельбу из луков. Затем действовать так же, как в битве с Курватом, с одним дополнением. Отработавшие стрельбой и возвращающиеся в тыл копейщики, уходят на оборону флангов. Здесь болот нет. Впрочем, такие ситуации вы отработывали на учениях. Командовать копейщиками будет Драгмир. Верю в тебя, брат. Когда отработают две цепи копейщиков, в бой вступает конница. С запасными лошадьми для пехоты они должны успеть ровно к тому моменту, когда отстреляется последняя цепь. Это самое глав-

ное. Поведёт их Велибуд. Не успеете, пехота останется одна против конницы. И такие варианты мы с вами отработывали.

– Поспеем вовремя, король, – Заверил его Велибуд. – Спецназ своих не бросает.

– Это хорошо, – ухмыльнулся Павел. – А я, с тысячей Амия, после того, как в бой ввяжется пехота, в обход выхожу на ставку хана. А там, как карта ляжет. Ну, с Богом сынки. Пехота – пошла!

Началось скрытное продвижение копейщиков. Помогло то, что внимание хазар было обращено к лагерю болгар и трава была высокая. Поэтому приблизиться удалось шагов на сто. И вот тогда, словно из-под земли встали стройные ряды воинов, которых первыми увидели болгары.

Воины одновременно натянули тетивы и четыре тысячи стрел полетели искать свою добычу. И находили. Добычи было много. Стрельцы словно заведённые накладывали стрелы, отправляя их в стан врага. Павел воочию лишний раз убедился, что такое скоростная стрельба, и какой она приносит эффект вкуче с неожиданностью.

Но паника длилась недолго. Хазарские темники мигом сообразили, откуда появилась угроза. Лава визжащей и орущей конницы устремилась на возникшую опасность. Теряя всадников, тысячи лошадей топотом копыт сотрясали землю.

Первая цепь руссов (отныне мы будем их называть новым именем) не теряя самообладания, буквально за десяток метров от лошадиных морд, сомкнув ряды, выставила вперёд длинные копыта.

На полном скаку тела воинов и туши лошадей врезались в оцетинившуюся сталь. От ржания лошадей и воплей умирающих закладывало уши. Меж тем сделав своё дело, уцелевшие воины первой цепи уходили под защиту товарищей. А когда следующая волна накатывала на вторую цепь, они уже стрельбой из луков отбивали обтекающих с флангов хазар.

За последней цепью Драгмир выстроил воинов наподобие суворовских каре. Те стояли, оцетинившись рогатинами.

– Держать строй! – что есть сил, кричали сотники.

Но воины и сами, натренированные многими неделями учений, стояли, плотно сомкнув щиты. Из середины каре стрельцы вели свой счёт поверженным врагам.

Велибуд не подвёл. Его всадники, передавая запасных лошадей пешим товарищам, сходу врубались в конницу хазар. Началась сеча. В конной схватке ни тем, ни другим не было равных. Но хазары, уже понёсшие большие потери, были на грани паники. Так с ними ещё не воевали.

В это время Аспарух, решив, что это их спасение, выводил в поле всю свою конницу. Хазары оказались в мешке. Едва поняв это, в каждом воине сработал инстинкт самосохранения. Спасайся, кто может и как может. Началось избиение бегущих.

Павел как истинный диверсант, любил громить штабы и тылы противника. Поэтому как только пехота завязала бой, его тысяча вышла в тыл ханской ставки.

Павел хотел для острастки бросить в ханский шатёр пару гранат, но передумал. Шатёр поистине был ханский. В два раза больше его собственного. «Вот Тина обрадуется», – подумал он и сходу подсёк одну из крепящих его верёвок. Не отстающие от него телохранители, следуя его примеру, ловко справились с остальными растяжками. Шатёр, вместе с украшавшим его ханским стягом, оказался поверженным. Внутри кто-то барахтался, пытаясь выбраться. Но Павлу было не до этого. Вокруг него шла яростная рубка. Телохранители хана были парни не промах. Сообразив, кто командует нападавшими, они всем скопом бросились на Павла. И неизвестно чем бы всё могло закончиться, если бы на помощь не подоспели болгары. Сразу стало легче.

Капитан утёр пот с лица, оглядел поле боя и убедился, что это был последний оплот сопротивления хазар. Он повернулся к своим телохранителям.

– Кто знает где хан?

– Да вон он! Улепётывает.

Вдоль кромки леса на полном скаку неслась кавалькада: всадников триста.

– За мной! Не упускать! – закричал он и первый устремился в погоню.

Павел справедливо полагал, что сражение не выиграно, если жив предводитель. За капитаном устремилось около четырёх сотен воинов. Через час бешеной скачки стало ясно: хана им не догнать. Только лошадей загонят. Резко осадив коня, Павел повернул навстречу своим людям.

– Не догнать... Уйдёт скотина! – Со злостью проговорил он. – Ладно, жизнь, как земля, круглая, встретимся.

К лагерю болгар они подъехали часа через полтора. Там царило веселье. Люди радовались неожиданному избавлению от неминуемой смерти.

Павла встречал сурового вида воин. По достоинству, с которым тот держался, по богатому одеянию капитан понял, что это сам Аспарух.

– Я рад приветствовать своего спасителя короля руссов Само, – радушно приложил он руку к своей груди.

– Я также рад нашей встрече, хан Аспарух.

– Спасибо за племянницу, король. Она мне всё про тебя поведала. Какая победа! Давно хазары не получали такой взбучки.

– Почему же не получали? – не без тщеславия улыбнулся Павел.

– Слышал про твою блестящую победу над Курватом. А сейчас имел счастье собственными глазами видеть, как сражаются твои воины. Настоящие львы. Такого странного и умелого ведения боя я ещё не встречал.

– Я ещё не знаю о потерях. Ни своих, ни вражеских. Только потом можно будет судить, хорошая нам досталась победа или Пиррова.

К ним подъехали всадники Велибуд и Драгмир.

«Ну слава Богу, живы!» – успокоился капитан.

– Драгмир, – Павел увидел кровь на плече друга, – ну никак ты не можешь обойтись без ран. На тебе, наверное, живого места уже не осталось?

– У моего короля ран больше. – То ли с завистью, то ли с гордостью ответил тот.

– Мой конунг Драгмир, – представил Павел своего друга Аспаруху. – Дрался в первых рядах копейщиков.

– Ему нужно лекаря, – озаботился хан.

– Да есть у вас один «лекарь», который только лишь одной благосклонной улыбкой исцелит героя, – сразу взял быка за рога Павел.

Драгмир покраснел, а Гульна гордо вскинула голову.

Аспарух посмотрел на обоих и понял всё.

– Гульна, окажи почёт раненому конунгу. Проводи его в мою кибитку и перевяжи, – распорядился он.

Девушка беспрекословно развернула коня и, повернувшись к Драгмиру, через плечо сказала.

– Следуй за мной, конунг.

Павел с Аспарухом проводили их взглядом.

– Что-то неласкова моя племянница с твоим конунгом, – усмехнулся Аспарух в бороду.

– Сам не пойму. Ходит вокруг неё сколько времени, а она ему – от ворот поворот. Воин он видный. Может, кто у неё здесь сердце украл? Если нет, то хотел просить её для своего князя.

– Вроде нет никого. Но я с ней поговорю... Да что мы с тобой тут, как безродные... У меня есть чем угостить дорогого гостя.

Вожди сразу пришли друг другу по душе. Было что-то между ними общее, роднившее их души.

– Я рад быть твоим гостем. Только сейчас справлюсь о потерях и отдам распоряжения. Аспарух послал одного из телохранителей, чтобы приготовили шатёр и угощения. Павел, тем временем, обратился к Велибуду.

– Сколько наших полегло?

– Полторы тысячи.

Капитан помрачнел.

– Да ты что, король. Мы с малыми тысячами бросились на орду более тридцати тысяч, – успокаивал его Велибуд. – А ушло у них тысяч пять. Больше двадцати тысяч положили. Шутка сказать. И полону тысяч семь. У болгар потерь в два раза меньше. На нас всё легло.

– Теряем воинов.

– Не кори себя король. Это – победа! Великая победа! Если бы не ты, мы бы здесь втрое больше положили.

– Ладно, на войне как на войне. Вот что, Велибуд, с сегодняшнего дня я назначаю тебя командующим кавалерией. Собирай войско и двигай домой. Обрадуй королеву. Оставь мне мою тысячу. Я справлю с болгарам тризну по погибшим воинам и завтра вместе с ними вернусь в лагерь.

Велибуд стоял оглушённый новым назначением и решением короля остаться.

– Король! Королева меня... Нет, не могу я тебя одного здесь оставить.

– Я ведь сказал, со мною будет моя тысяча, – поднял Павел глаза на Велибуда. – Приказы короля не обсуждаются. Выполнять!

Велибуд приложил руку к груди, затем резко натянул поводья. Спорить с королём он не собирался.

Павел и Аспарух, в окружении своих телохранителей, последовали к установленному шатру. Вокруг царила суета. Пленные собирали трупы, а руссы и болгары раненых. Павел оглядывал место побоища и размышлял о брэнности человеческого существования и о том, сколько ещё битв ждёт его впереди.

4

В шатре всё было готово для приёма пищи и горячительных напитков. Капитана усадили на почётное место рядом с ханом.

– Я поднимаю первую чашу за павших воинов, которые своей жизнью заплатили за эту нашу победу, – произнёс Павел, встав со своего места. – Пусть их бесстрашные души попадут в ирий.

Присутствующие за столом военачальники поддержали его громкими криками одобрения и дружно осушили чаши. После нескольких взаимных и любезных тостов, поднялся Аспарух.

– За наших спасителей. За короля Само! Я хотел бы видеть его своим братом.

– Я не против, – поднялся Павел.

В шатре раздался рёв. Вождям тут же поднесли серебряный ритуальный кинжал. Павел с Аспарухом сделали друг другу надрезы на запястьях и накапали в чаши друг другу своей крови. Затем выпили и крепко обнялись. Братанье руссов и болгар состоялось.

Затем, как обычно, началась гулянка. Она ничем не отличалась от прочих, где подвыпившие воины хвастали своими победами над врагами и женщинами. Вокруг победителей сновали симпатичные девушки и подливали вино в пустующие чаши. Слышался кокетливый девичий смех и весёлые повизгивания.

Аспарух куда-то вышел. Павла и Драгмира тут же облепили молоденькие девушки и без всякого смущения стали с ними заигрывать. Можно даже сказать – соблазнять. Капитан стойчески держался, а Драгмира, ослабленного раной и вином, им удалось умыкнуть.

В это время Аспарух был в кибитке у Гульны.

– Мой брат Само просит тебя для своего конунга Драгмира. Я не могу ему отказать после всего, что он для нас сделал.

– Я не хочу конунга Драгмира. Лучше отдай меня за... короля, – сверкнула глазами Гульна.

– Ты что! – Поперхнулся хан. – Он же женат.

– А зачем тогда Боги позволили ему украсть моё сердце? – неожиданно расплакалась гордая княжна.

Аспарух был поражён. Впервые видел он слёзы своей племянницы. «Вот так дела! Эта девчонка ничего лучше не придумала, как влюбиться в короля».

– Он об этом знает?

– Ещё чего.

– Но у руссов не в обычае иметь несколько жён.

– Значит, мне не нужен никто, – твёрдо заявила она.

Аспарух промолчал, а про себя подумал: «Ничего, перебесится». Он встал и неловко погладил её по голове. Какой он ей дядька. Несмотря на разницу в возрасте, они выросли как брат с сестрой. Аспарух до сих пор не был женат, и не ведал счастья быть отцом.

–

Не смей меня жалеть, – оттолкнула она его руку.

Хан в нерешительности потоптался на месте и, тяжело вздохнув, вышел.

Гульна уткнулась головой в подушку и разрыдалась. Этот русский богатырь вошёл в её сердце сразу. С той самой минуты, когда объявил им о свободе. Он разительно отличался ото всех виденных ею ранее мужчин. Она пыталась гнать его из своего сердца, но он не уходил. Она старалась найти в нём какие-то пороки. Но и пороки его были ей желанны.

Высушив слёзы, она вызвала телохранителя.

–

Когда закончится пир, проследи, куда уведут короля руссов, – приказала она.

Тот, молча кивнул и удалился.

Аспарух вернулся к гостям, ломая голову, как уладить это щекотливое дело. А когда выпил с Павлом по очередной чаше мёда, махнул рукой: как-нибудь всё образуется. И оба побратима предались безудержному веселью.

Вскоре, заметив, что Само «устал» и начал «клевать носом», Аспарух предложил ему:

–

Выбирай любую девушку, хочешь двух, и иди отдыхать в мою кибитку.

Капитан поднял осоловелые глаза и пробормотал:

–

Прости, брат, мне действительно надо отдохнуть. Я не спал двое суток. Но я желаю почивать в шатре своей жены. Везите меня к моей королеве!

Хан посмотрел в сторону его личных телохранителей и кивком головы позвал их.

–

Ваш король утомился. Доставьте его в мою кибитку. С ним пойдёт... – Аспарух оценивающе стал рассматривать своих наложниц.

Те в ожидании замерли.

–

Зарина, согрей постель королю.

Девушка безропотно последовала за Павлом.

Уснувшего капитана положили на шкуры, Зарина принялась его раздевать. Но закончить этот процесс ей не позволила проشمыгнувшая в кибитку чья-то тень. Когда Зарина увидела кто это, то испуганно вздрогнула.

–

Пошла вон, – твёрдо сказала Гульна. – Хотя нет, останься караулить у дверей.

Когда девушка выскользнула за полог, Гульна склонилась над Павлом. Кончиками пальцев изучающе провела по его лбу, щёкам, подбородку... После чего страстно приникла губами к его губам. Затем, откинув голову, вновь долго смотрела ему в лицо, словно стараясь запомнить навек. Потом горячо и требовательно стала целовать его в губы, шею, грудь...

От такого напора поднялся бы и мёртвый, а Павел был всего лишь уставший нетрезвый мужчина. Поэтому почуввав у себя в руках упругое женское тело, которое так явно желало любви, капитан позабыл обо всём на свете. А руки и губы стали жить совершенно самостоятельно.

– Моя королева, – шептал он, прижимая к себе податливое тело. – Люблю тебя безумно.

Ответом ему было молчанье и страстные объятия и поцелуи. «Да что же эта чертовка со мной творит? – сам себе удивлялся Павел. – Как будто в последний раз».

А когда они лежали полностью обессиленные, «королева» неожиданно поднялась с постели и стала одеваться. Павлу стало как-то неудобно. Он попытался задержать покидающую ложе девушку, но она ловко увернулась. Павлу возмутила такая игра в кошки мышки, он резко привстал с ложа, поймал её за руку и развернул к себе. Лучше бы он этого не делал...

«Гульна!? – промелькнуло в голове. – Что, капитан, допился! Как теперь быть?»

Девушка гордо встряхнула головой, и с вызовом посмотрела ему в глаза. Взгляд её словно говорил: «Да, это я! Сама пришла. И ничего не боюсь. Потому что люблю!»

Павел разжал пальцы.

– Что мы наделали, девочка!

– Король, я сама этого пожелала, – ответила она.

– И как нам теперь быть?

– Для тебя, король, ничего не изменилось.

– А как же Драгмир?

– Твой конунг не нужен мне. Сердце моё молчит при виде его влюблённых глаз. Я последняя из рода Карчуна, и роду нужен сильный правитель. Таким вождём станет мой сын. – Гульна резко развернулась и выбежала из кибитки, на ходу приказав кому-то:

– Иди к нему!

«Какой сын?» – хотел было спросить Павел, но прикусил язык. «Твой сын, Павлуша», – подсказал ему внутренний голос.

Из-за полога вышла девушка и неслышно прилегла рядом с Павлом. Но тот даже не заметил её присутствия, он смотрел в потолок и думал: «Ну почему меня все хотят использовать в своих целях? Неужели им мужиков не хватает? С другой стороны, я начинаю дичать и принимаю правила этой игры. Неужели права поговорка про жизнь среди волков? Вот и я уже научился выть по-волчьи. Но признайся, что такая жизнь тебя вполне устраивает. И даже, можно сказать, нравится. Ты становишься настоящим аборигеном варварских веков».

С этими размышлениями Павел провалился в тяжёлый сон без сновидений. Зарина потёрлась рядом и обиженно уснула.

Но выспаться им не дали.

Павлу показалось, что он едва прикрыл глаза, как его тут же кто-то настойчиво стал тормозить.

Капитан с усилием разлепил глаза и уже был готов обругать наглеца всякими нехорошими словами...

Перед ним стояли и улыбались Аспарух и Драгмир.

Увидев Драгмира, он смутно вспомнил страстные объятия Гульны. Ему стало неловко... «Это тебе привиделось», – гнал он прочь смутные образы.

– Ну, наконец-то! Никак, мой «подарок» всю ночь спать тебе не давал! Сказки всё рассказывал... – хитро сощурился хан.

Павел насторожился: «Неужели сам хан Аспарух прислал ко мне свою племянницу!»

– Зарина умелая «сказочница», – продолжал улыбаться хан. – Но, брат, пора братья за дела.

Павел, выйдя из замешательства, согласно закивал.

– Хорош подарок! Согласен. Сейчас которая половина дня?

– Солнце уже к полудню, – ответил Драгмир.

– К тризне всё готово. Нужно торопиться. Пленные сообщили, что Бирей со дня на день ждал прихода в помощь ему двадцатитысячной орды.

– Павших товарищей на растерзание вороною не бросим, – поднимаясь, вымолвил Павел. – Сколько бы там тысяч не шло.

Едва они прибыли на место погребения, как тут же были запалены костры с телами погибших. Руссы и болгары лежали все вместе. Как-то деловито и обыденно началась резня пленных хазар. Павел хотел было воспротивиться, но кто он такой, чтобы со своим уставом лезть в чужой монастырь? Хорошо хоть живыми в огонь не бросают. Традиции у этих людей складывались веками.

Пленные шли под нож безропотно. И эта безропотность делала всю картину ещё более тягостной. А когда стали предавать огню будущих подруг героев, Павел развернув коня, отъехал далеко в сторону. Происходящее более походило на изуверскую казнь, чем на «радостный уход невест вслед за своими сужеными».

Но друзья погибших воинов воспринимали всё совсем по-другому. Вокруг царило весёлое и праздничное настроение. Павшим не следовало брать с собою в страну вечного блаженства груз горя и печали. Им всего этого хватало при жизни.

К Павлу подъехал Аспарух и, остановив своего коня, бок о бок с его, произнёс:

– Сегодня утром Гульна подняла меня чуть свет и сказала, что желает быть женой твоего конунга. Я не против, хотя странно как-то. Ещё вчера была не согласна.

Хан, удивлённый резкой сменой настроения племянницы, приказал разузнать причину такого настроения. Ему уже доложили, где и с кем провела ночь Гульна. Он не сердился на Павла. Женщины – это загадка мироздания. И кто их разберёт, чем им плох один и хорош другой. У них развит природный инстинкт самки. И для отца своего детёныша она выбирает сильного и здорового самца. Поэтому нет ничего странного, что Гульна выбрала короля руссов. Добрый вырастет воин у племянницы. Надо скорей играть свадьбу. А вот наложница Зарина пожелала уйти в ирий. Будет там кому-то хорошей женой. Тайна тогда остаётся тайной, когда о ней знает как можно меньше людей.

Об этом сейчас думал Аспарух. Ему самому было неведома Любовь. Так сложилось, что на них с братом легла тяжёлая ноша – спасение своего народа. От того и помыслы его были далеки от любовных переживаний. Если он хотел женщину, тут же её получал, а придёт время задуматься о наследнике, возьмёт себе жену из достойного рода. А пока, сабля в руке да ветер в лицо...

После слов хана Аспаруха капитан убедился, ночью всё-таки что-то было. Он не до конца понимал выходки Гульны. Влюбилась? Он всё ещё не привык к популярности у здешних женщин. Нет, конечно, и дома он не был обижен вниманием. Но здесь приходилось буквально отбиваться от их навязчивого интереса к его персоне.

Всё было проще, чем ему казалось. В те, залитые кровью века, чтобы выжить, надо было держаться сильного и надёжного плеча. Женщина, как более слабое и незащищенное существо, сразу определяла заложенными в ней веками инстинктами выживания, кто может стать таким «плечом».

Отвечая хану, Павел произнёс:

–

Я рад за своего князя Драгмира. Хочу, чтобы ты сам передал ему эту радостную весть.

Аспарух в знак согласия кивнул головой. Он понял, что королю неудобно перед своим князем. Значит, его не оставило равнодушным ночное посещение Гульны. Ай да Гульна, ай да молодец девка! Вся в отца. Как решит, так и сделает.

К ним подъехал Драгмир.

–

Король, нам пора выезжать. Сегодня мы обещали быть дома, – обратился он к Павлу.

–

Обещали, значит будем. Видишь, курган ещё не досыпан, – и, обращаясь к Аспаруху, спросил. – Может, мы обоз с войсками отправим сейчас к моему лагерю. Как раз к ночи доберутся. А мы, когда закончим, нагоним их.

–

Предложение разумно.

Хана так же беспокоило сообщение о подходе орды хазар, объединившись с остатками разбитой орды, они могут попортить им много крови.

–

Пожалуй, я тоже оставлю тысячу воинов, а остальные пусть начинают движение.

Он отдал команду, и вся махина, называемая ордой, пришла в движение. Послышались крики погонщиков, скрип колёс и резкие команды десятников.

Оставшись втроём в окружении телохранителей, хан повернулся к Драгмиру.

– Хочу тебя обрадовать конунг. Моя племянница дала согласие войти женою в твой шатёр.

Драгмир на мгновение лишился дара речи. Затем, приложив руку к груди, склонил голову.

– Я благодарен тебе, великий хан, за твою доброту к скромному воину.

– Не меня ты должен благодарить, а своего короля. Это его стараниями Гульна согласилась стать твоей.

В словах хана Павел уловил двойной смысл. «Вот хитрец, он всё знает», – мелькнуло у него в голове.

Но лицо Аспаруха оставалось непроницаемым, и капитан усомнился в своих подозрениях.

– Мой король ко мне всегда был добр. Он не раз спасал мне жизнь. У него я в неоплатном долгу. Если он скажет: «умри», Драгмир умрёт не раздумывая.

Павел невольно поморщился: «Чего этим женщинам надо? Теперь я постоянно буду вынужден испытывать перед Драгмиром неловкость. Уж лучше бы она ему отказала».

Когда воины досыпали курган. Сводный отряд направился к лагерю руссов. Болгарский обоз они нагнали уже перед самым лагерем. По дороге Павел с Аспарухом решили заключить союз и дальше двигаться вместе. Аспарух предлагал идти во Фракию на берега реки Истр. Павел был не против. Уж очень ему хотелось с византийцами повоевать. Лавры Вещего Олега не давали покоя: «А что? Олег прибил свой щит к вратам Царьграда. Чем я хуже?».

Истиной же причиной его согласия было то, что он знал военную силу болгар. Не укрепиться им с такими силами на границе бывшей Римской империи. Были ещё и другие причины, которые повлияли на его согласие с предложением Аспаруха. Главная: он ещё не понял своего предназначения. Зачем он появился в этом мире? Просто так ничего не бывает. В природе всё взаимосвязано. Поэтому и плыл пока по течению, совершая поступки и ошибки.

Единственное, о чём мы не рассказали, это про то, что, будучи на Таврике, Павел приказал своим мастерам- оружейникам изготовить копию сабли Македонского.

После чего, при соблюдении секретности, он отправил сотню надёжных воинов с частью драгоценностей и поддельной саблей на место обнаружения клада. Вернувшись, воины доложили о выполнении указаний своего короля.

Павел рассуждал так: коль этот клинок второй раз в жизни, причём в разные эпохи, появляется у меня на пути, это неспроста. Это знак судьбы! Вероятно, круг каким-то образом замкнётся. И когда тот – «будущий Павел», в том – очень далёком двадцатом веке, точнее – в 1993 году, выйдет на задание, он добудет этот самый клинок. Что делать с настоящим клинком, он пока ещё не знал.

5

Дома их встречали всеобщим ликованием. «Вот я уже и называю этих людей своим домом», – отметил про себя Павел.

Тина старалась быть сдержанной, но не смогла доиграть роль до конца, и со слезами на глазах повисла у него на шее. Павел взял её на руки и, шепча на ушко ласковые слова, понёс к своему шатру. Телохранители неотступно следовали за ними. По дороге капитан обратился к идущему рядом с ним Груту.

–

Грут, дружище, мне тут с королевой кое-какие дела надо обсудить. Займись нашими союзниками. Помоги хану Аспаруху расположить войско так, чтобы в случае нападения мы оборонялись единым фронтом.

–

Я всё понял король, – усмехнулся тот. Опыт бывалого воина подсказывал: грядут большие перемены. Просто так союзы не заключаются. И в душе был очень рад. Новые сражения. Чувство опасности, которое так горячит кровь. Без этого воину нет жизни.

– Здравствуй хан. Ты меня помнишь? – обратился он к Аспаруху. – Я с посольством был у твоего отца. Правда, мы тогда были гораздо моложе.

– Как же можно забыть такого воина, – польстил ему Аспарух. – Я даже помню, что в поединке ты одержал победу над Бек-батуром.

Грут, польщённый, довольно улыбнулся.

– Ну что же, давай располагаться. Наш король не любит, когда его приказы не выполняются, – вспомнил Грут неприятную сцену со славянской княжной.

– Ваш король великий воин. Я ещё не видел, чтобы так можно было сражаться.

– Да этого у него не отнять. Голова у него горазда на всякие хитрости и уловки. Хазары на своей шкуре в этом не раз убеждались.

Стоянка союзников выросла вдвое, превратившись в большой кибиточный город. Королевской чете установили новый трофейный шатёр, а старый Павел приказал установить для будущей семьи молодожёнов – для Драгмира и Гульны. Это была великая честь. И Аспарух и все его воины оценили её по достоинству.

Сам же Павел поймал себя на мысли, что таким образом пытается откупиться от Гульны и Драгмира. «Выделил хату своей любовнице с замом и доволен?», – не успокаивался и внутренний голос. «Да чёрт бы вас всех побрал! Долго я ещё буду заниматься самобичеванием!» – выругался, обозлённый на себя и весь белый свет, капитан и отправился на совет.

На общем совете союзное командование решило: в течение недели оставаться в кибиточном городе. Необходимо было довести до конца все скорбные мирские дела; то есть – справить тризну по павшим воинам, которую им не позволил справить, приближающийся враг, затем отпраздновать свадьбу русского князя и болгарской княжны. Для обоих племён это имело большое политическое значение.

– Души погибших уже в ирии, – высказал свою мысль Павел, – но думаю, они простят, что воинские состязания в их честь мы будем проводить не у кургана, а здесь.

Большой совет его поддержал одобрительным гулом. О павших забывать нельзя. Каждый воин желает, чтобы после смерти его проводили с почестями и весельем. На этом совет закрыли. Однако, Павел попросил хана быть его гостем. Его интересовало всё об этом народе. И он желал, так сказать, из первых уст услышать об их злоключениях. А если говорить честно, насчёт совместного похода у него были далеко идущие планы. Пора было выходить на мировую арену. Он оставил с собой королеву и Грута. Велел вызвать Цинния. И стал выяснять интересные его вещи.

– Ты прости меня, Аспарух, за мои незнания. Слышал я, что болгары народ гордый и воинственный, про тебя слышал, вот, пожалуй, и всё. Толком ничего и не ведаю: ни о корнях ваших, ни об обычаях. Не мог ли ты поведать мне и моей королеве за чашей крепкого мёда, о судьбе своего племени?

– С удовольствием, брат. В том, что ты не много о нас знаешь, нет ничего странного. Мы народ молодой. Наши предки пришли с Кавказа. Правильнее моё племя надо бы называть гунногондуры. Ничего не напоминает?

– Вы родственны племенам гуннов?

– Да, мы воевали на их стороне, до того печального поражения, когда гунны и руги заняли земли вдоль берегов Понта до Колхиды и пойму Гипаниса (Кубань). И ещё некоторые земли им не принадлежащие.

– Ты хочешь сказать, хан, о тех наших землях, которые твой отец Кубрат ошибочно посчитал своими? – вмешалась в разговор Тина.

– Почему же ошибочно! В таких вопросах сложно ошибиться, – с достоинством ответил Аспарух.

Павел с недоумением посмотрел на спорщиков, а затем громко рассмеялся.

– Ну, вы ребята и даёте. Сидят два короля без королевств и делят земли, которые у них уже увели. И вряд ли вернут. Даже если вы попросите.

Спорщики смущённо замолчали, поняв всю правоту замечания.

– Давай-ка, хан, дальше рассказывай, – продолжая улыбаться, попросил Павел. – Хотя, нет. Давай за перемирие выпьем по черепушке мёда.

– Давно бы так, – поддержал его Грут. – В горле пересохло, а они всё чужие земли делят. Осушили налитые чаши. Хан продолжил:

– Наш народ поселился от Меотиды вдоль Танаиса и до низовьев реки Итиль. Все болгарские племена были подвластны тюркскому каганату. Сорок лет назад в каганате начались междоусобные войны. Два великих кагана Дулу и Нушиби своими распрями ослабили верховную власть. Мой отец не стал ожидать окончания этой склоки и, пользуясь неразберихой, собрал разрозненные орды болгар и создал огромную военную державу. Наша держава называлась Великая Болгария. Отец установил политические связи с Византией. И всё бы хорошо. Но тут хазары... Сначала они разбили гунно-ругов, затем принялись за нас. И, хотя мы были куда как мощнее наших соседей... Но сильный ветер ветку ломит.

– Вот именно – ломит. – В сердцах прогудел Грут. – А мы ведь к вам послов за помощью слали.

– Я не был тогда верховным ханом. Поэтому решения принимались не мной.

Между тем Павел пытался переварить услышанное: «Это что ж получается, они тут все между собой земляки? Ну, по крайней мере – родственные племена. А Болгария то оказывается, тоже от гуннов пошла. Да! Перемешало народы в котле истории. Интересно, а кто тогда я?»

– Отец был смертельно ранен, – продолжил меж тем Аспарух. – И повелел нам с братьями, разделив орду на три части, идти пытаться удачу в других местах. Со мною шёл брат мой Алцек, но в ночном бою хазарская стрела нашла его отважное сердце. Я даже не смог похоронить его как подобает по законам предков.

– Ты не печалься насчёт этого брат. Нет в том твоей вины. О другом были твои думы. Как народ свой сохранить для потомков, – успокоил его Павел. – Ну и что же было дальше?

– Были мне гонцы от орды брата Батбая. Сообщили, что сдался он хазарам. Настигли его где-то в Примеотидии и прижали. Обязался он платить Курвату пожизненную дань. Наверное, ему жизнь в позоре показалась лучше славной гибели. Другому моему брату – Куберу всё же удалось оторваться от хазар и прорваться к Итилю. И сейчас он подымается в верховья реки.

Да пошлют Боги ему удачи. Ну а я, как видишь, со своей ордой пытаюсь пробиться к славянам. Народ они миролюбивый. Места хватит.

– Выслушал я твою историю и понял, что нет на земле такого места, где можно было бы укрыться от войн и горя людского. Значит повоюем. Но чести не отдадим. Мёртвые сраму не имут, как говаривал кто-то из великих. Грут, наливай. – Павел протянул свою пустую посудину князю.

Того два раза просить не надо. Густой медовый напиток заплескался в позолоченных чашах, которые когда-то носили на плечах люди с непомерными амбициями. Но сабли более амбициозных людей превратили их в то, что они сейчас представляли.

Друзья выпили за упокой хазарского племени.

– Послушайте, братцы, а не добить ли нам хазарскую орду, которая висит у нас на хвосте. Ведь не отстанут! Будут нас, словно блохи, всю дорогу покусывать.

Хан с Грутом единодушно высказались: «за». Королева – «против». Понятно из каких-то таких соображений: она за Павлика своего ненаглядного переживала. Вдруг не вернётся под родимый кров. Но её мнение было проигнорировано. Компания, если честно сказать, была не в том состоянии, чтобы прислушиваться к чьим-либо советам. Мёд – это такой напиток, после употребления которого в голове у любого прибавляется столько ума, что чужие советы кажутся пустыми и никчёмными. А где-то даже вредными.

– А может быть, мы тризну справим сразу по всем павшим? – предложил Аспарух.

– Ты прав, брат. Мёртвые ещё немного подождут. Они воины. Они поймут, – загорелся Павел. – Драгмира ко мне, немедленно!

Когда прибыл Драгмир, вожди оживлённо обсуждали ход предстоящей кампании. Тина смотрела на них и удивлялась их наивной радости предстоящему сражению. «Словно дети! – думала она. – Возможно, кто-то из них погибнет в этой битве. Но нет, это никого не волнует».

– Послушай, князь, немедленно организуй разведку в сторону той орды хазар, что не успела на помощь хану Бирею, – приказал Павел Драгмиру.

– Я и сейчас могу доложить: утром они находились от нас в двух переходах. Они не торопятся нас догнать. По всей вероятности, выжидают подходящего момента.

– Сколько у них в орде всадников и кто у них ханом?

– Наш старый друг Бирей.

– Вот гадёныш, живучий! – не сдержался Павел. – Ничего, я предупреждал его: встретимся – земля круглая.

Все недоумённо уставились на Павла.

– Вы чего? – Не выдержав взгляда, спросил он.

– Земля плоская. Иначе, как бы кони могли скакать по круглой земле? Они бы сваливались с неё, – пояснил ему Аспарух.

«Во, блин! Попал, – подумал Павел. – До Коперника и Бруно ещё целая пропасть веков. Но вслух сказал:

– Круглая, не в смысле так, – он нарисовал в воздухе круг.

Тина беззвучно смеялась, но выручать его не спешила. Ждала, когда он сам выпутается.

– А вот так, – Павел указал на блюдо с фруктами на столе, и ладонью изобразил над ним круг.

«Ну, Тиночка, ну лиса! Не помогла, – думал он, вытирая со лба пот. – А ведь я где-то читал, что разведчики в тылу у немцев бывало «сгорали» из-за какой-нибудь мелочи, пустячка – в гильзу папироски дунут, а потом сожмут её в гармошку...»

– Что-то мы не о том говорим, – перевёл Павел разговор на другую тему. – Хан, ваши люди много кочевали в этих степях. Есть ли среди них такие проводники, чтобы каждую травинку знали.

– За этим дело не станет.

И Павел изложил свой план операции, как всегда рискованной и масштабной: в ней предполагалось участие пятнадцати тысяч воинов и ... артиллерии. Павел всё-таки решился применить своё детище в предстоящем сражении, надеясь, что потерь будет гораздо меньше.

– Сборы в поход надо начать немедленно, пока диспозиция не изменилась, – пояснил Павел.

Никто из присутствующих толком ничего не понял, но переспрашивать короля постеснялись, а Грут, тот вообще решил, что это хмель разгулялся в голове короля.

Но он ошибался, капитан тут же начал давать распоряжения:

– Грут, пойдёшь со мной, а ты, Драгмир, останешься охранять стоянку.

– Но, король, – пытался было возразить князь.

– У тебя невеста. Займись приготовлениями к свадьбе.

– Не переживай ты так сынок, – похлопал князя по плечу Грут. – Вот наследника сделаешь, тогда и смело в бой!

– Аспарух, сколько возьмёшь воинов?

– Восемь туменов всадников.

– Хорошо. Остальных и артиллерию беру я. И давай сейчас же решим вопрос о командовании.

– А чего тут решать, план твой, ты и командуй. Войско в бой вести должен один вождь.

– Добро. Тогда к войскам. С рассветом выступаем.

6

Утром Павел вышел из шатра хмурый и не выспавшийся. Мало того, что Тина полночи отчитывала его за плохо усвоенные уроки по устройству мироздания; потом, словно бес в неё вселился... Измотанный Павел на какие только уловки не пускался:

– Нельзя тебе много, Тина, ты в тягости, – уговаривал он, строя заботливое выражение лица.

Но ничто не останавливало настырную девчонку. Хитро усмехаясь, продолжала требовать своё. Короче говоря, что спал, что музыку слушал. А на прощание: «Павлик, ты там поосторожней. Вперёд всех без надобности не суйся». И не подумала даже: как ему в таком состоянии полками командовать?

Грут, поджидавший его у шатра, сразу определил его состояние.

– Не переживай, король, в обозе отоспимся. Путь то не близкий.

– Отоспимся, – пробурчал Павел. – Ты огневой запас проверил?

– Всё в порядке. Артиллеристы полны желания в деле испробовать огненный бой. А то всё камни да камни.

– Испробуют. И не дай Бог хоть одно орудие подведёт. Шкуру спущу!

– Они про то ведают.

– Основная надежда на них, – и, уловив ухмылку на лице Грута, добавил, – и на нас тоже.

К ним подъехал со своими темниками хан Аспарух.

– Мои готовы.

– Ну что, товарищи вожди и военачальники, – Павел вскочил на коня. – Поехали!

В походе отрядом командовал Аспарух. Павел и его верный конунг Грут спали в обозе богатырским сном.

Похоже, Неждана Груту до самого утра всякие эротические истории рассказывала.

Проснулись они от резкой остановки. День клонился к закату. От солнца остался краешек, золотивший макушки деревьев и слепивший глаза, словно хотел напомнить – «Не забудьте, завтра снова вернусь». Павел, прикрываясь ладонью от яркого света, огляделся.

Вокруг царила деловая суета: кто поил коней, кто варил ужин, кто готовился к ночлегу.

Посмотрев друг на друга, друзья, не сговариваясь, вскочили на коней и поспешили разсыкивать хана.

Аспарух со свитой находился у небольшой рощицы.

– Ну, разведка, где хазары? – поинтересовался Павел.

– Их стоянка у Борисфена. Охрана – разъездами до сотни человек. Расстояние – полдня пути. Днём незаметно не подойти. Но самое главное, что они не просто так стоят, они накапливают силы. К ним ежечасно стекаются разрозненные отряды и сотни воинов.

– Значит, по численности они нас превосходят?

– Примерно втрое.

– У кого какие мысли, господи военный совет?

По интонации голоса Павла Грут понял – у короля уже есть план.

– Пришёл. Увидел. Победил. Так кажется, говорил наш коллега Сашка Македонский. Мы два главных дела уже сделали, остаётся пустяк.

Все, кроме Грута и людей капитана, посмотрели на Павла как на больного.

– Отставить ночлег. А то нас хазары точно обнаружат. Я не говорю, что они нас победят. Но прольётся гораздо больше крови.

– Объясни, король, что ты задумал? Не надо держать нас в неведении, – попросил Аспарух.

– Охотно. Понимаете, сейчас на берегу Днепра, тьфу ты – Борисфена, в войлочных юртах расположатся на ночь сорок пять тысяч воинов, надеюсь, что охрана их не подведёт. А мы – делаем ночной марш-бросок и в темпе вальса выдвигаемся на исходный рубеж.

Никто ничего не понял, но слушали его внимательно.

– Вы спросите: «А как же их подвижные дозоры?» Отвечаю: «А чем наши диверсанты хуже?» Впереди пойдут самые опытные и умелые. Встреченные дозоры вырезать подчистую. Не думаю, что их будет много. Возможно, мы их даже не встретим. Основная охрана расположена близ лагеря. Это вы знаете не хуже меня.

– Ты предлагаешь ночной бой? – спросил Саттабай. – Кони не люди. Будет паника.

– Да, бой будет ночным, но не конным.

И Павел до конца изложил свой план. Болгары начали было спорить, но Аспарух поднял руку. Все затихли.

– Мы уже видели, как странно воюет король Само. Поэтому я веряю ему судьбу битвы и свою жизнь. Кто-то хочет отказаться? – обратился он к своим темникам.

Желающих не нашлось. И тысячи двинулись в ночь.

Воевать ночью степняк не приучен. Ночью он может совершить лихой воровской набег, и, прихватив что плохо лежит, лихо скрыться в ночи. Полномасштабные военные действия – это что-то новенькое для него.

Через четыре часа, не встретив ни одного разъезда, союзники в полной темноте вышли на исходные позиции.

Луна лишь изредка выглядывала из-за туч, чтобы поинтересоваться, чем это таким заняты копошащиеся внизу люди?

На расстоянии двух стрелищ от хазарского лагеря Павел выстроил все двадцать огнемётных орудий в одну линию. На их охрану, кроме обслуги, была оставлена его личная гвардия и две тысячи воинов. Командование артиллерией капитан взял на себя. Аспарух, Грут и Саттабай, разделившись на три отряда, обложили становище с трёх сторон. Хазары оказались прижатыми к Днепру.

– В бой не суйтесь. Рубите и поражайте стрелами тех, кто сам на вас набежит. Сейчас вы узнаете, что такое напалм и почему его ООН запретил, – закончил вполголоса Павел свои напутствия, провая уходящих в ночь.

Его воины соорудили прикрытие от огня. «Обнаружить себя раньше времени – потерять победу». Эти слова короля они помнили прекрасно.

– Ну, с Богом, – украдкой перекрестился некрещёный король. И над притихшими расчётами разнеслось. – Огонь!

Так началась эра огненного боя. Правда, византийцы пальму первенства приписывают себе. Что это, мол, они изобрели и впервые применили «греческий огонь». Но, в науке истории много казусов, и Павел не был в претензиях. Он и так в средних веках накуролесил. Историки до сих пор не могут свести концы с концами.

В лагере хазар творилось невообразимое. Все двадцать ёмкостей с горючим составом долетели до места назначения. Ещё бы! Ведь били, практически, прямой наводкой. Лопались бочки с оглушительным треском, разбрызгивая вокруг себя огненную смерть. Не страх, а дикий ужас охватил спавший лагерь.

Между тем на лагерь обрушилась вторая, а затем и третья партия огненной смерти. Горело всё: люди, животные, жилища, земля под ногами, вода в Днепре. Вырывающиеся из круга огня горящие фигуры падали, сражённые стрелами ангелов мщения. Да, месть была жестокой. Но это была война. Кто кого.

«А бросать в жертвенные костры живых людей, это гуманно? – пытался оправдать себя Павел. – Но ведь это их мир. И они сами решают, как им жить и как умирать». «Ещё бы атомную бомбу приташил», – упрекнул его внутренний голос.

Воины Павла воспринимали происходящее с детской радостью и суеверным страхом. Они стали обладателями Перуновых молний. Трепещите враги!

Разыгрался ветерок и до Павла стал доноситься тошнотворный запах. Этот запах он помнил. Ему приходилось выносить обгоревших пацанов из чадающих бэтээров на той, на другой войне.

Чтобы поскорее покончить с разыгравшейся трагедией, Павел дал команду произвести ещё пару залпов. Что было исполнено. На месте, где располагался хазарский лагерь полыхал огромный костёр. Сорокапятитысячная орда перестала существовать.

«Вот почему немцы так боялись «Катюш», – пронеслось в голове. – «А ведь они были цивилизованными и технически подкованными людьми».

Пламя огромного костра стало постепенно утихать. Павел отправил своих людей проявить акт гуманизма. Добить раненых. Ожоговые центры ещё не существовали.

К орудийным позициям стали стягиваться отряды Аспаруха, Саттабая и Грута.

– Нехорошая война, – заявил Саттабай.

«Ну вот, началось», – тоскливо подумал Павел.

– Поживиться нечем, – продолжил свою мысль болгарин.

– И только? – удивлённо спросил Павел.

– А что ещё? – пожал тот плечами. – Воину нужна победа, но ему нужна и добыча.

– Да-а, – протянул Аспарух. – Я знал, что ты великий воин. Но такое! Сегодня нашим женщинам никого не придётся оплакивать. Сегодня у нас великая победа. Я уверен, что хазары преследовать нас больше не посмеют.

Кстати, исторический факт. С той поры вдоль установившейся хазаро-болгарской границы крупных столкновений больше не было. Отчего? Что так могло напугать воинственное и последовательное в своих поступках племя? Или опять Павел Горюнов? Ещё одна загадка для историков.

– Само, дружище, мы не потеряли ни одного человека. Зато всей их орде устроили погребальный костёр, – восторженно завопил Грут.

Итак, у хазар отбита охота к дальнейшему преследованию, а они, все такие розовые и в шоколаде, победителями возвращаются домой.

7

Ликованию союзников не было предела. Вернулись войска, ходившие на хазар. Таких побед не одерживал ни один полководец в мире. Все воины живыми вернулись в свои рода. Поражение врагу нанесено невиданное. Правда, чтобы одержать окончательную победу над ордами хазар требуются неисчислимы людские ресурсы. Чем, увы, союзники не располагали. В ближайших планах по-прежнему оставались: тризна по павшим товарищам, свадьба болгарской принцессы и ругского конунга и поход во Фракию.

Приготовления шли полным ходом. Резался скот. Готовились мёды. На месте тризны устанавливались идолы.

«Программа обещает быть не слабой, – подумалось Павлу. – Хоть резать и в огонь кидать никого не будут». Он вместе с Саттабаем и Грутом сидел в шатре у Аспаруха. Они временно оказались не у дел, и хан пригласил их в гости. Павел переложил на Драгмира все свои дела. Он хотел поразить болгар и устроить парад своих войск. Со строевыми песнями. Чёткими рядами. В общем как полагается.

Хан щёлкнул пальцами и к столу вереницей поплыли полуобнажённые девушки. У каждой в руках поднос с разнообразными яствами, выпивкой... Словом: «...Ешь ананасы, рябчиков жуй. День твой последний приходит буржуй».

«А порядочки-то восточные, – отметил Павел. – Ничего, ославянитесь. Славянство, пользуясь своим многолюдством, столько народов в себя впитало! Сам сомневаюсь: кто я на самом деле?»

Хан начал свою речь:

– Я хочу выпить за своего брата короля Само. Самого удачливого вождя, о подвигах которого много слышал и кого, наконец, встретил в жизни. Вождя, не проигравшего ни одной битвы.

«Суворов тоже ни одного боя не проиграл, – про себя возразил хану. – Хотя, Суворов-то ещё не родился».

Между тем хан продолжал:

–

Я хочу, чтобы дружба между твоим и моим народом продолжалась в веках. Чтобы мы всегда с чистым сердцем могли прийти друг другу на помощь. За нас!

«Так и будет, ещё не раз вам подмогнём, – осушая вместе со всеми свою «черепушку», подумал Павел.

Ну и, как водится, далее тосты посыпались один за другим. В общем, скучно не было. Перед пирующими высыпали молоденькие танцовщицы и стали поражать гостей безупречностью своих стройных фигур и мало-мальским умением танцевать. Движения танца сводились к тому, чтобы разогреть страсть у присутствующих.

«Средневековая «виагра», – пронеслось в полупьяном сознании капитана. – У мужиков, наверное, тоже были проблемы». Будучи верным своей, рождённой ещё с курсантских времён традиции, он встал и произнёс:

– Предлагаю выпить за женщин! Офицерскому составу предлагаю выпить стоя.

– Гусары и мужчины пьют стоя, – уточнил Грут.

Павел восхитился: – «Вот чертяга! Он скоро меня переплюнет».

Гулянке не дали перерасти в гульбище прибывшие посыльные. Они доложили, что к тризне всё готово и воины ждут своих вождей.

Аспарух заговорщицки подмигнул Павлу и прошептал ему на ухо:

– Попозже сбежим.

Павел был не против.

В центре лагеря, рядом с королевским шатром Драг-мир выстроил настоящую трибуну для «высоких гостей». На ней были установлены кресла для короля с королевой и хана с принцессой. И вот началось.

Первой колонной проходила артиллерия. Мощные установки тянули быки. А бойцы браво выводили:

.. Артиллерия – боевая наша жизнь, Артиллерия – веселей в строю держись.

Следом за ними шла конница. Каждая сотня с лихим свистом и джигитовкой распевала свою строевую песню.

Болгары были сражены наповал. Это в начале, а затем всё разномастное многолюдье разразилось криками и одобряющим свистом от увиденного.

– Брат, я всё больше и больше удивляюсь твоим способностям управлять войском и умением поднимать боевой дух даже в мирной обстановке, – обратился к Павлу Аспарух. – То, что я сейчас вижу, это словно из другого мира.

– Заведи такие порядки у себя. Очень дисциплинирует войско. Как говорил мой старшина, что если в туалете порядок, то и в сотне всё будет в порядке. Потому что сержанты, то бишь десятники звери и сотник не дурак. А как говаривал один великий полководец? «Порядок в армии начинается с порядка в казарме». Полезные слова, кстати.

Конечно, не всё из сказанного Аспарух понял. Как-то чудно выразался подвыпивший король. Но суть сказанного уловил.

После парада тризну продолжили военно-спортивные соревнования. Выходили меряться удачей силачи и мастера боевых искусств. Всё это сопровождалось громкими возгласами и обильным возлиянием.

Аспарух и Тина по ходу поединков объясняли Павлу правила борьбы. Всё сводилось к тому, что правил никаких не было. Был лишь один единственный запрет: ниже пояса не бить.

В поединке сошлись два крепких воина. Габариты, что в высоту, что в ширину, одинаковые. У каждого – по сабле и щиту. Несмотря на внушительный вес, передвигались ребята легко и невесомо, словно боксёры на ринге, внимательно следя за малейшим движением противника. По одежде можно было определить, что один воин болгарский, а второй – русс. Болгарин начал первым. Резко ткнул саблей в направлении лица соперника, одновременно покатился ему под ноги, пытаясь подсечь. Но тот, отбив обманной удар щитом, высоко подпрыгнул и в прыжке рубанул подкатившееся под ноги тело. Однако его сабля, выбивая щепу, прошла по подставленному щиту болгарина. Хорошая треть щита отлетела в сторону. Болгарин снова был на ногах. Противники, обмениваясь молниеносными ударами, сошлись почти вплотную. Уследить за их движениями было невозможно. Когда они отскочили друг от друга, от щитов в их руках остались лишь умбоны.

–
Красиво рубятся, – кивнул на воинов Павел.

–
Выматывают друг друга, – наклонился к нему Аспарух. – Владеют саблями на равных. Тот, кто вперёд устанет – тот и проиграет.

–
Так они и до вечера могут скакать. Лбы-то здоровые. Признаков усталости не наблюдается.

–
Бывало и такое. Однажды, вот так же на тризне, бились двое день и ночь, ни в чём не уступая друг другу. А когда мой отец приказал остановить поединок, то оба упали бездыханными.

–

Когда воин упрям и настойчив – это хорошо. Но мне думается, что такие состязания следует как-то ограничивать по времени. Думаю, двух часов будет вполне достаточно, чтобы сильному показать свою силу, а слабому – слабость, – высказал свою мысль Павел.

–

В твоих словах есть зерно разума. Хорошие воины должны гибнуть на поле боя, а не от собственной гордыни. Тогда им будет слава и место за столом с Богами.

–

Ну, вот давай так и решим. Это при обучении пусть звенят железом сутками напролёт. А сегодня у нас праздник – зрелище.

Между тем воинам бросили по второй сабле и рубка пошла веселее. Шансов ошибиться у поединщиков стало больше. Биться в обе руки куда сложнее. И внимания требуется больше. Русс ткнул остриём одной сабли, целя в глаз противника. Но тот отвёл угрозу и принял клинок на свою саблю, да так, что от схлестнувшихся лезвий полетели искры. И тут же уже русс поймал на вторую саблю клинок болгарина, который стремительно рванул к его груди. Клинки так же сцепились огнивами. Менее секунды они мерялись силами стоя со скрещёнными клинками. И тут русс с места, как бы падая на спину, нанёс мощный удар обеими ногами под вздох болгарину. Оба воина повалились на спины. Болгарин ещё приходил в себя от неожиданной выходки русса, а тот уже стоял рядом. Оба клинка маячили в миллиметре от горла.

Толпа восторженно взревела. Хороший поединок всегда радует сердце воина. Павел по одежде воина определил, что тот был из его гвардейских спецназовцев.

«Хоть чему-то понемногу учатся», – с лёгким недовольством подумал он. На тренировках он постоянно вдалбливал в эти лохматые головы, что схватку затягивать нельзя. Один, ну два удара, и противник должен быть повержен. Иначе он поймёт твою тактику и сражаться будет труднее. Да и помощь может подоспеть. И сила зря тратится.

–

Может и нам размяться немного. Саблями позвенеть, – хитро взглянул на него Аспарух.

–

Только не здесь, а где-нибудь в укромном месте. Не пристало королям перед воинами силами меряться, – отшутился Павел. На самом деле ему просто не хотелось ставить хана в неудобное положение перед его воинами. Как он воспримет поражение?

– Я согласен, – оценив тактичность короля, улыбнулся хан и щёлкнул пальцами.

Тут же появились подносы с едой и наполненными мёдом чашами. Они выпили и продолжили наблюдать за происходящим на арене. Там уже орудовали борцы. По стилю борьбы Павел назвал бы их рукопашниками.

В это время здоровенный болгарин, килограммов на сто пятьдесят весом, одолев очередного соперника, ходил по кругу, вызывая смельчака.

Подогретый мёдом, Павел не раздумывая, спрыгнул с трибуны на импровизированную арену.

Что тут началось! Дикие вопли и рёв воинов обоих племён. Они скандировали как на хоккейном матче.

– Само! Само! Само! – кричали одни.

– Ягил! Ягил! Ягил! – вторили другие.

«Ну что, Ягил, показать тебе, что такое подготовка спецназа ГРУ?» – Павел, разминаясь, прошёлся по арене, несколько раз подпрыгнул на месте, размашисто вращая руками.

Раздался сигнал к началу схватки.

Противники стали сближаться. Павел, особо не мудрствуя, коротко разбежавшись, подпрыгнул, и спаренными ногами вмазал в лоб набегающей туше.

Кто внимательно слушал педагогов на школьных уроках физики, тому понятно, что за счёт встречного движения сила удара увеличивается.

Ягил, словно подрубленный дуб, завалился на спину. Павел, оттолкнувшись от его же лба, сделал сальто и встал на ноги.

Над ареной творилось что-то невообразимое. Подняв над головой руки, победитель повернулся вокруг. Словно в замедленной киносъёмке он видел и орущих бородачей, и вскинутые от удивления брови Аспаруха, и гордый взгляд Тины, и пытающегося подняться на разъезжающихся руках Ягила.

Когда шум стих, Павел крикнул в толпу зрителей:

– Вызываю на бой, честный бой, любого, будь он болгарин или русс.

Над лагерем повисла тишина. Свои воины знали, что бороться с королём – «игра в одни ворота». Болгарские, только что ставшие свидетелями, как легко был побеждён их славный батыр, помалкивали.

– Вызываю пятерых сразу... Нет! Полный десяток.

Тишина над лагерем стала густой до осязаемости. У Аспаруха на скулах заходили желваки. Он уже хотел подняться. Но был удержан рукой Тины.

– Хан, умоляю. Ради вашей дружбы, скреплённой кровью. Не ходи сам. Не пристало братьям прилюдно драки устраивать. Ты же видишь, это в нём мёд бродит. Прикажи просто, какому-нибудь десятку. Да пусть потешатся.

Аспарух, остывая, понял мудрость слов королевы, и мысленно её поблагодарил. Исходя из интонации, с которой она ему всё это говорила, то есть без капли страха за мужа, он понял ещё и то, что не так-то прост его названный брат. Но десяток?

– Пусть с тобой сразится десяток моих телохранителей. Я бы и сам с удовольствием вышел с этим десятком. Но братья мы. А братьям не пристало проливать друг другу кровь на потеху толпы.

– Хорошо сказал. Правильные слова, – разнеслось по толпе.

«Кровь кровью, а сам телохранителей выставляет», – подумал Павел. «Может, я зря это затеял?» – но молодое и здоровое тело требовало выхода энергии.

На площадке появились новые действующие лица. Обнажённые по пояс, с мощными, словно канатами, перевитыми мышцами, турсами. Куда там современным протеиновым качкам.

«Да ребята не хилые, – оценил их Павел. – Придётся работать на пределе, в жёстком контакте. А то ведь уделают меня ханские архаровцы».

Архаровцы, не торопясь, стали брать капитана в круг.

«Ну, это вряд ли. Работаем!», – приказал себе Павел, и моментально отключился от внешнего мира. На затылке появились вторая пара глаз. Его ритм жизни ускорился, а у остальных замедлился. Чувства обострились как у хищного зверя на охоте. Но где-то в подсознании билась мысль: «Не убить, только бы не убить».

Кувырок в сторону ближайшего противника. Как бы мимоходом, Павел нанёс ему удары по почкам. «Один – ноль», – сам по себе начал отсчёт мозг.

На выходе из кувырка достаёт следующего нападающего ударом сдвоенных ног снизу в челюсть. Та хрустнула словно орех. Мозг продолжал счёт. Дальше всё закрутилось так, что со стороны просто ничего не было понятно. Просто с регулярной периодичностью из кучи мельтешащих тел, рук и ног вываливался один, а то и двое отыгравшихся бойцов. Когда счёт стал девять – ноль, Павел уgomонился и последнего противника отправил в нокаут банальным хуком. Как говорил известный классик: «Народ безмолвствовал».

Тина потянула онемевшего Аспаруха за рукав. Тот вздрогнул.

– Если бы твой десяток был вооружён, то они бы все были мертвы. Я однажды видела его карусель смерти. В бою он неукротим.

– Так вот что значил твой совет. А он, случайно, не посланец Богов? Смертному – такое не под силу.

– Нет. Он смертный, я сама лечила его раны. Просто Боги прислали его сюда с другой войны. На которой, как он сам говорил, он был не самым лучшим воином.

За ходом поединка внимательно следили ещё один заинтересованный наблюдатель:

– Моё сердце не ошиблось, – беззвучно прошептали девичьи губы. – Что бы такое придумать, чтобы сегодня он снова был мой. Брат! Брат меня любит. Он поможет.

Павел в полном молчании сделал круг почёта и занял своё место на трибуне. С поляны унесли воинов. Слава Богам, все остались живы. Место поединщиков заняли стрельцы из луков и соревнования пошли своим чередом. Стрельцы показывали чудеса в обращении с этим грозным оружием. Стреляли и пешими, и на полном скаку. Но неизменно все стрелы попадали туда, куда направляли их воины.

«А стрелять, как умеют они, я уже не научусь. Такому учат с детства», – с лёгкой завистью подумал Павел.

Тина сидела, прижавшись к его плечу, и с гордостью поглядывала по сторонам.

Не дожидаясь окончания торжеств, так как всё это грозило затянуться до глубокой ночи, Аспарух попросил Тину отпустить мужа вместе с ним, сославшись на важные дела.

Королева, немного подумав, дала своё согласие.

В шатре у Аспаруха они остались вдвоём.

– Устал от этой суеты. Да и поговорить с тобой один на один хочется, – произнёс хан, разливая по чашам мёд.

– А как я устал, – поддержал его Павел. – А ведь действительно, после того как я оказался здесь, я живу в каком-то диком темпе... «Как до сих пор не сломался! – подумал он про себя. – «Столько событий! Одни женские интриги чего стоят!»

– Послушай, брат, ты где так научился искусству боя? Я равных тебе не встречал, – спросил его Аспарух.

– Были учителя. Кстати, если хочешь постичь хоть малую толику, можешь приобщаться. Я и мои ученики учат гвардейцев рукопашному бою. Приглашаю. Можешь пару десятков своих лучших бойцов привести.

– С удовольствием.

За время беседы они осушили по паре чаш мёда.

– А ты знаешь брат, что моя сестра в тебя влюблена?

Павел поперхнулся и, против его воли, щёки залились пунцовой краской. Аспарух, заметив это, расхохотался.

– Неужели ты думаешь, что у нас что-то может остаться в тайне. Она сама мне призналась. Плохо, что вам нельзя иметь двух жён. А может, породнимся?

– Да ты что! Две волчицы в одном логове! Они же отравят друг друга.

– Гюльна – нет. Она воспитана по-другому. Да и гунны придерживались наших традиций. Не думаю, что королева Тина думает иначе.

– Как быть нам, султанам? Чёрт меня дерит. Если есть три жены... – переиначил на свой лад слова песни из известной кинокомедии.

– Не понял? – протянул Аспарух.

– Это я так, к слову, – усмехнулся капитан.

За разговором Павел не заметил, как в шатре появились девушки. А может они постоянно были? В голове приятно шумело. И тут, он увидел среди девушек Гульну. А она что тут делает?

– П-почему принцесса прислуживает как служанка?

– Желает угодить почётному гостю.

– А я желаю, чтобы она сидела рядом с нами, – Павел сам удивился произнесённым словам.

Он не заметил, как Гульна над его чашей прошептала какой-то заговор и бросила в мёд щепотку молодой травки. Затем присела рядом и пригубила сама из его чаши...

***

Глядя на спящего рядом короля, Гульна с благодарностью думала: «Хороший мне бабушка Хайнэ заговор подсказала. Да и любовная трава видно сильная. Он был такой ненасытный. Как зверь. А какой ласковый. От приятных воспоминаний тело вновь налилось истомой».

Они лежали прикрытые лёгкими покрывалами, когда из другой половины шатра появился хан.

– Вставай король, на дворе уже полночь. А я обещал королеве вернуть тебя после полуночи, – склонился он над спящим.

Капитан тряхнул тяжёлой головой и устался на Аспаруха.

– Так это был заговор, – просипел пересохшим горлом он, поднимаясь, и, не стесняясь своей наготы, стал одеваться. – А тебе-то что за прок в нашем свидании? Неужели ты так сильно любишь свою племянницу, что готов потакать ей во всём?

– Это так, но не любовь главное...

– А что же ещё?

– Тот который родится от вашей любви – будущий Великий вождь!

– Почему вы все так уверены, что от меня будут рождаться великие воины и вожди? – раздражённо вскричал Павел.

Они уже выпили с Аспарухом по чаше козьего молока и его голос восстановился.

– Это не мы уверены. Звёзды да кости нам предсказали, – серьёзно ответил хан.

И Павел ему почти поверил.

– Но ведь и ты хан! Жёны твои нарожают тебе много сыновей.

– Ты прав. Но после моей смерти место главного хана займёт лишь самый достойнейший. И это будет он – твой сын.

– Не понимаю. В другом ханском стане Гульну бы уже удавили.

– В другом – да. Но болгарам, окружённым множеством врагов, нужно становиться крепким государством. И не о тёплом месте для своих сыновей пекусь я, а о процветании и могуществе Болгарии. Что возможно только лишь при сильном правителе.

Павлу ни с того ни с сего на ум пришло название темы давнего школьного сочинения – «Марксизм-ленинизм о роли личности в истории». В нём он, пользуясь брошюрами источников, доказывал, что личность в истории – это ничто. Другое дело – сплочённые пролетарские массы. Какие там к чёрту массы! Вот они! Аспарухи. Которые ещё при жизни думают, чтобы построенное ими не пошло на разор! Казалось бы, какое дело ему до того, что будет с государством после его смерти. Ан нет. Ещё и государства нет, а мысли правителя о достойном преемнике.

Лишь Гульне было наплевать на споры мужчин. Она лежала, свернувшись калачиком, и думала о своём, о женском. О том, что она никого уже не полюбит. Разве можно кого-нибудь любить после такой, поистине королевской любви. Все мужчины просто жалкие уродцы в штанах по сравнению с её Само. Она непроизвольно улыбнулась сравнению.

Павел, не стесняясь присутствия Аспаруха, наклонился и крепко поцеловал потянувшуюся к нему принцессу. Затем вышел из шатра. Он шагал по ночному лагерю, вспоминая пережитое, не замечая, как безмолвной тенью за ним следует его охрана. У каждого своё предназначение в этом мире.

8

Утро выдалось свежее и солнечное. Минуло три дня после той злополучной ночи. Всё произошедшее вспоминалось каким-то далёким нереальным видением. Павел не мог понять, что с ним происходит. Его, то непреодолимо тянет к Гульне, то он её ненавидит так, что готов убить.

Не только он сам, но даже Тина стала свыкаться с мыслью, что его считают чуть ли не племенным быком- производителем. Павла передёрнуло от пришедшей в голову мысли. Фу ты, чёрт, ну и влип я с этими средневековыми страстями. Тину ему было жалко. Он любил её, в этом у него не было сомнений. В отношениях к другим... Без ста граммов не разберёшься.

«А не сходить ли мне к Груту?» – мелькнула крамольная мысль. Павел попытался выбраться из постели, не потревожив сладкий сон Тины. Но меры предосторожности оказались бесполезными. Дитя степи спало чутко.

– Ты куда? – прижалось к нему тонкое девичье тело.

– Да я, это... Я Груту обещал... Надо встретиться, или попозже... – пробормотал он, чувствуя, как к нему всё плотнее прижимается жаркое и упругое чудо.

– Попозже, милый, – проворковала девушка.

«Э-э-х! Что вы со мной делаете!» – вздохнул капитан и сдался.

Когда Тина уснула, он поднялся и оделся. Выйдя на улицу, капитан обнаружил, что жизнь там бьёт ключом. Полным ходом шли приготовления к свадьбе.

На кострах запекались туши баранов и молодых бычков. Готовились различные блюда, названия которых Павел не знал. Но ароматы в воздухе витали божественные. Павлу вновь вспомнились нищие полуголодные опера из разграбленной страны. Они бы здесь разгулялись. А мёд! Не тот забодяженный самопал из ночных киосков. Здесь всё натуральное. И смерть на каждом шагу тоже натуральная. Хотя и в его беспредельных девяностых схлопотать ножа или пулю можно было вполне запросто.

Незаметно ноги принесли Павла к повозке Грута. Шатра он себе пока не приобрёл, но кибитка у него была внушительная. Неждана окончательно переселилась к нему. Они сожительствовавали, как написали бы в милицейском протоколе, гражданским браком.

При приближении короля один из охранников юркнул внутрь. Стучаться в двери, здесь было не принято. Состоятельному человеку о прибывших гостях докладывала охрана. Обыватель и так перебеётся. Не велика честь.

Когда Павел вошёл, Грут был уже на ногах и протирал заспанные глаза.

– Мир вашей хате, – благопристойно поприветствовал семейную чету гость.

– И вы здравы будьте, поклонилась ему в пояс Неждана, – она до сих пор была благодарна ему за своё спасение и всячески старалась услужить. Уж она-то в полной мере хлебнула все прелести рабской доли.

– Здравствуй, король, – немного проще выразил свою радость хозяин. – Обижаешь нас. Давно не заглядывал.

– Да всё как-то дела, заботы...

– Наслышан о твоих делах, наслышан, – сочувственно вздохнул Грут.

Павел чертыхнулся: – «Всё уже знает! Откуда?»

Словно прочитав его мысли, Грут произнёс:

– Земля слухами полнится.

– Да хватит вам! Не откушавши разговоры разговаривать, – пропела грудным голосом Неждана. – Садитесь уже к столу.

– И, правда, что это я. Гость на пороге, а я ему даже горло промочить не предложил.

– Спасибо, уже угостил... Прямо с порога.

– Да брось ты. Нашёл о чём переживать. О тебе такая слава идёт. Вот давай Неждану спросим, правильно ты поступил или нет? Она в подружках у Гульны. Неждана?

– Не сомневайтесь, господин. Вас никто не осудит. Вы подарили счастье любящей душе.

«Ну, все здесь знают, что я должен делать. Кроме меня, – подумал узник запутавшейся совести. – Напиться, да морду кому-нибудь набить? Так никого чужих рядом нет. Пстой, а ведь хазары-то иудейской веры. Или ещё не приняли?»

– А королева вас не будет винить. Ведь она сама знает, что такое любовь.

– Было бы всё так просто, – махнул рукой капитан. – Налей мне Нежданушка кваску.

Он уже ничего не соображал в этой жизни. Она им вертела как хотела. Захотела, забросила к чёрту на кулички. Захотела, королём сделала. Что дальше выкинет, одному Богу известно.

– Ну вот, – засуетился Грут. – Пришёл в гости, а выпить не желает. Не по-людски это как-то.

– Ква-су, – произнёс Павел по слогам.

– Ну, дак и я о том же, – не растерялся верный князь.

«Ну и жук», – усмехнулся про себя Павел. С некоторого времени он стал замечать, что Грут быстро перенимает его словечки из прошлой жизни. И довольно-таки к месту вставляет их.

– Сегодня свадьба Драгмира, успеется ещё.

– И Гульны, – добавил Грут.

– Да пошёл ты! И без тебя тошно.

– Дурень ты. Я к тому, что забирал бы её к себе. Раз уж так вышло. А Драгмир её не обуздает. Выучка не та.

– А как же законы?

– Какие законы! Известно ли тебе, сколько жён было у Агтилы? Вот то-то же! И никто не знает. Но детей у него было не меньше сотни, – поднял палец Грут.

– Не, я так не могу. Я в другой вере воспитывался. Любовниц имей хоть сотню, а законная одна.

– Так в чём дело? Давай королевский гарем устроим. А Гульна будет любимая наложница.

Павел, чувствуя, что их понесло куда-то не туда, решил перевести разговор в другое русло.

– Ты обещал об оружии поведать. Желаю, чтобы ведал. Ну их в болото этих баб, лучше расскажи о копьях. К примеру: есть копьё, есть сулица и рогатина. В чём преимущество одного перед другим?

– Тут, вообще-то, ничего сложного нет. Копьё – это, как и меч, для воина. В бою никогда не бросит. Посмотри, это копьё «Кровопийца». – Грут продемонстрировал своё копьё. – Оно мне служит уже пять лет.¹

Павел обратил внимание, что хозяин говорит о своём оружии с любовью. Словно это его боевой товарищ, даже имя дал. Выглядел «Кровопийца» так – на древко, длинную около двух метров, насажена полуметровая металлическая труба. Она была откована заодно с наконечником трёхгранной формы с остро заточенными краями. Остальная часть древка была покрыта тонким слоем кольчужной стали.

– А для чего? Вес ведь больше.

– Чтобы в бою не перерубили. Но такие копья не у всех. Это недавно стали делать. Я, например, своим копьём могу колоть и рубить врага. Между прочим, бронь пробиваю.

–

---

¹ При описании оружия, повседневной жизни и обычаев древних славян, автор использовал информацию из очень интересной книги М. Семёновой «Мы – славяне!». За что и благодарит создателя знаменитого цикла о Волкодаве.

Ты говоришь, что оно у тебя уже пять лет. А как ты его после боя находишь. Метнул его и ищи свищи.

–

Э, друже, настоящий воин своего копья метать не будет. Он будет им биться. Может и метнуть, но это уже когда смерть перед глазами. Для метания служит сулица.

И Грут извлёк другое копьё. Павел, конечно, видел весь арсенал, и не только в сражениях. Но ему было интересно знать всю подноготную различных видов оружия. Сулица, в сравнении с копьём, выглядела нищенкой. На метровое древко был насажен небольшой трёхгранный наконечник. Нижняя часть наконечника загнута и вбита в древко. И для прочности крепления к древку, наконечник обмотан полосками кожи. Сулица, в принципе, предназначалась для разового использования в бою.

«Тот же самый дротик римских легионеров», – подумал Павел.

–

А вот оружие посерьёзнее – рогатина, – принёс Грут третью разновидность копья. – Но у нас мало им пользуются. Это оружие пешего боя. А мы-то бьёмся конными. Для славян такое оружие в самый раз. В их лесах с лошадьми особо не развернёшься. Я привёз эту рогатину из совместного похода с аварами на Византию. С нами и славян много ходило.

Копьё выглядело внушительно. Длина древка, была такой же, как у боевого копья, только раза в два толще. Наконечник имел форму широкого пера длиной около сорока сантиметров, напоминавшую двулезный меч.

Словно угадав его мысли, Грут произнёс:

–

В бою нет оружия страшнее. Пробивает любую бронь. Нужда случится, славяне ими рубятся как мечами. Без войны – на зверя с ним ходят. И я для охоты держу.

– Наконец-то ты мне всё и растолковал.

– А когда раньше-то было? Некогда. Твоё величество то воюет, то амуры крутит, – панибратски оправдывался опьяневший конунг.

Оказывается, он подливал себе не только квас.

«Знает, чем подколоть», – хотел было обидеться на Грута Павел. – «Заехать бы тебе в ухо, княжеская твоя рожа. А что? Пётр к боярам частенько кулаком прикладывался. Ещё больше за это уважали». Но, вместо мордобития, подвинул свою порожнюю чашу и прорычал:

– Ишь, развеселился! Взятся угощать, так угощай. Разбаловал я вас. Нюх совсем потеряли.

Грут, почуяв что немного переборщил, с готовностью наполнил её.

– Не сердчай, Само. Не со зла я. За тебя переживаю. Вижу, как маешься. Ты как будто не от мира сего. Оттого это, что совестливый ты больно. А это первый вред для воина.

– Ладно, не жалобь. Разберусь, как-нибудь. Давай лучше выпьем и споем.

– Вот это по-нашему, – обрадовался Грут и в один замах осушил свою чашу.

Павел поддержал его, и они затянули в два голоса:

...Ещё немного, ещё чуть-чуть, Последний бой он трудный самый, А я в Россию домой хочу, Я так давно не видел маму.

– И откуда ж ты столько песен душевных знаешь? – спросил, утирая пьяную слезу Грут. Вошла Неждана:

– Как славно поёте. Сердце так и обмирает.

Тут в юрту с гуляющими мужами государства без всякого предупреждения ворвался Драгмир:

– Король! Что же это происходит!?

Все разом повернули головы на нарушителя спокойствия.

– Опять хазары? – схватился за саблю Грут.

– Нет, болгары.
– Что болгары? – непонимающе икнул Павел.
– Гульна согласна выйти за меня при одном условии.
– Каком таком условии?
– А таком: чтобы я остался с ними и перешёл на службу к Аспаруху.
– Ну и что же... Дстойный хан – достойная служба.
– Да ты что, король. Из-за женщины я своего короля и повелителя не брошу.
– Слушай меня, Драгмир, разрешаю принять решение самому. Какое бы оно ни было, препятствий чинить не буду. Это моё королевское слово.

В юрте повисла тишина. Было слышно, как жужжат насекомые.

– Думай, Драгмир. Ты не мальчик, а воин и мужчина. В жизни каждого мужчины бывают мгновения, когда важное решение должен принять сам.

Конунг грозно сдвинул брови и прорычал:

– Неждана! Где служанки? Я что, сам буду обслуживать короля?

– Мне и самой не в тягость.

– Я сказал – служанки.

Неждана наполнила три чаши и вышла из юрты.

Пока длилась эта сцена, Драгмир еле сдерживал молчание. Едва за Нежданой задёрнулся полог, он схватил чашу и жадно припал к мёду. Двое товарищей поддержали его.

Переведя дыхание, Драгмир произнёс:

– Я люблю болгарскую принцессу. Но как мне поступить с моей честью?

– Сложный вопрос, – согласился Грут.

– Боги мне даровали лишь одну честь. Если я её заберу с собой, то здесь у меня не останется чести. А если я её оставлю здесь, то как мне жить без чести там?

– Не говори загадками. Поубавь своё красноречие, Драгмир, – опять встрял Грут.

Павел сидел молча. На фоне последних событий он считал себя не вправе вмешиваться в судьбу своего конунга.

– Какие загадки? Я на мече клялся королю и королеве в своей вечной преданности. Я не могу нарушить клятву?

– Я тебя освобождаю от неё.

– Но этого мало. Я себя не освобождаю.

– И как же тогда ты поступишь?

– Я отказываюсь брать принцессу.

– Вот это по-нашему, – гыкнул Грут. – Ты видишь король, я вырастил надёжных воинов.

Такие не предадут.

– Драгмир, ты хорошо всё обдумал?

– Я и не думал, мой король. Ты говорил, что у меня есть выбор. Да он есть, но только один. И он был сделан тогда, когда ты меня раненого, под тучами стрел тащил на своих плечах.

– Красиво говорит, и когда научился? – Довольно поцокал языком Грут.

Полог откинулся в сторону и в юрту впорхнули три молоденькие девушки.

– Нас прислала Неждана. Поухаживать за гостями, – озорно блеснув глазками, прощепетала одна из них.

– Как вас звать милые создания? – обрадовавшись произошедшей разрядке, обратился к ним Павел.

– Годинка.

– Снежана.

– Желанна.

– Какими замечательными именами нарекли вас родители. Теперь давайте знакомиться: князя Грут и Драгмир, а я король, – покуражился Павел.

Девушки прыснули в кулачки.

Грут на правах хозяина дома сразу взял быка за рога.

– Вон там припасы. Всем мёда и чего-нибудь к мёду. И себя не забудьте.

Павел вышел на улицу и подозвал телохранителя.

– Отправляйся к шатру Аспаруха и передай ему, что король просит навестить его в кибитке конунга Грута.

Воин понимающе кивнул и тотчас отправился выполнять поручение.

«Надо ввести какое-то воинское приветствие, – подумал Павел, – руку к голове прикладывать не обязательно, но что-нибудь: типа жест с прижатым к груди кулаком. Надо продумать».

С этими мыслями капитан вернулся в коллектив.

Несостоявшийся жених, в отсутствие капитана успевший опорожнить ещё одну чашу, пытался глушить своё горе мёдом. Павел прошёл к столу. В глубине души он был рад, что Драгмир остался верен ему. И не только поэтому.

– Ну что, соколики, вам всё равно что праздновать?

– Да нет, твоё величество, мы горе заливаем, – скорбным голосом сообщил Грут.

– Не печалься, дружище, мы тебе такую княжну отхватим, что Гульна будет локти грызть от зависти, – ободряюще хлопнул Драгмира по плечу Павел.

– Не будет. Какую-бы мы не завоевали.

– Это почему же? – строптиво спросил Грут.

– Потому что её сердце принадлежит не мне. И ты сам знаешь кому.

«Вот дёрнул же его чёрт за язык», – поперхнулся мёдом Павел.

Грут, поняв, что дал маху немедленно переключился на другую тему.

– А что, твоё величество, раз свадьбы не будет, я так полагаю, что нам скоро и выступить?

– Правильно полагаешь. Вот-вот сюда придёт хан. Тогда и будем решать. Лето-то кончается.

Едва помянули Аспаруха, как он и явился сам да ещё и Саттабая с собой привёл. Будто чувствовал, что Драгмир откажется покинуть своего короля. Поэтому ожидал разговора не о свадьбе, а о дальнейших действиях. Вот почему прихватил своего зама.

Обнаружив, что попал на начало застолья, хан повернулся к Саттабаю и что-то прошептал ему на ухо. Тот понимающе кивнул и исчез.

– Я приветствую своего брата и короля руссов.

– Я тоже рад тебя видеть.

– Думал, что мы встретимся на свадебном застолье, а вы раньше начали веселье?

– Не веселье, это хан, а горе горькое. – Как всегда в своём репертуаре высказался Грут. – За товарища своего, конунга Драгмира, горе горюем.

– Не обессудь хан. Не хочет наш конунг вашей принцессы. Не потому, что обиду тебе причинить желает, а потому, что условия перед ним ставите вы неприемлемые. Не может он нарушить клятву верности, данную своему королю, – вмешался в разговор Павел, опасаясь, что прямолинейный Грут ляпнет, что-нибудь не то.

– Понимаю твоего конунга, ибо сам живу по законам чести, и поэтому не могу я принуждать силой покинуть мой род дочь брата моего. Он голову сложил за жизнь болгарского народа. Она единственная наследница его прав, и желает, чтобы сын её стал защитой и опорой рода.

– Присаживайся к нам, и разопьём мы дружинную чашу. Не должно между нами быть недомолвок и неверия. Иначе все пропадём, – пригласил его Павел, дивясь своей заковыристой речи.

Девушки тут же поднесли хану полную чашу.

– Много надежд возлагал я на этот брак. Но Боги рассудили по-своему. Давайте выпьем за то, чтобы между нами не осталось и тени непонимания, как не останется и капель мёда в этих чашах.

– До дна, – поддержал хана Павел.

Мир между Драгмиром и Аспарухом был восстановлен. А что? Хан внятно и понятно разъяснил, что он не хозяин над своей племянницей. Она сама, оказывается, глава рода. И вольна принимать решения самостоятельно.

Действительно, – подумал Павел, – если бы Гульна ушла с руссами, то с ней бы ушёл и весь род её отца. Это ещё более ослабило силы болгар. Всё правильно сделал Аспарух. А что это дело его рук, сомнений не было.

Между тем прибыл Саттабай. В юрте стало тесно от серебряных подносов, уставленных разнообразными блюдами. Болгарские девушки расставляли кушанья и отходили в сторонку.

– Гуляем, – сделал вывод Грут, оглядевшись вокруг.

«В своём репертуаре», – усмехнулся Павел.

Пока все занимались поглощением пищи, между ханом и Павлом происходил серьёзный разговор.

– Ну что, брат, пора трогаться в путь?

– Я тоже об этом думаю. На этот раз дорога не должна быть столь опасной. Поблизости нет крупных орд хазар.

– Через два перехода мы войдём в земли славян. Это роды уличей, а затем и тиверцев.

– Думаешь, что славяне нам будут препятствовать?

– Нет, я так не думаю. Славяне мирный народ. У них нет своего войска. Правят там старейшины. Но расслабляться не стоит. На время войны они выбирают военного вождя – конунга, а каждый член рода становится воином. И воином неплохим. Людей в их родах достаточно. В то время, пока мы воюем и теряем людей, они мирно трудятся и рожают воинов.

– Хорошая политика.

– Да это даже и не политика. Просто они такие есть, – с лёгким пренебрежением выразил своё мнение хан.

– Славяне себя ещё покажут. Не век же они будут отсиживаться в дремучих лесах, – заступился за своих предков капитан.

– Вот я и хочу отыскать удобные славянские земли и, заключив с ними союз, поселить там свой народ.

– Задумка неплохая. Полагаю, знаешь куда идти?

– Отец перед смертью сказал мне, где следует искать. Не послушал, решил идти своим путём. Сейчас жалею.

– Ну что ж, хан, я помогу твоему народу осесть на влекущих тебя землях. Только и ты помоги мне. Хочется с византийцами поквитаться за все те пакости, которые они причинили моим предкам.

– Достойное желание. Память предков надо уважать.

– Потом мы уйдём. Куда, пока не знаю.

– Я давно хотел предложить тебе, брат. А что если вашему племени остановиться по соседству с нами? Земли всем хватит. Представляешь, какой это будет союз!

– Пока я ничего не могу тебе ответить. Давай, сначала выполним задуманное. А там Боги подскажут.

Павел и правда не знал, что ему делать дальше. Но очень хотел помочь болгарам, заодно и повоевать с Византией. Мысли о лаврах Вещего Олега не оставляли капитана. А затем... Какой-нибудь путь всё равно проявится.

– Я могу открыть тебе всю правду, – прервал его размышления Аспарух. – Мы идём на Истр. К самой границе с Византией.

«Тайну твою знал я с самого детства. Из уроков школьной истории», – усмехнулся Павел, а вслух сказал:

– На Истр так на Истр. Нам руссам всё равно, что водка, что пулемёт. Лишь бы с ног сшибало, – перефразировал он известную присказку своего времени.

Аспарух удивлённо посмотрел на Павла. Уж не тронулся ли умом король? Речит непонятливо.

Павел рассмеялся и положил ему на плечо ладонь:

– В своём уме я, хан. Просто – настроение хорошее.

Тут же к ним подскочили девушки и наполнили чаши.

Павел встал и, дождавшись тишины, произнёс:

– Выпьем, други мои, за удачный поход!

– За поход! – поддержали его присутствующие.

Опрокинув чаши, все стали оживлённо обсуждать будущий поход.

Вернувшись к себе, Павел поведал Тине о последних событиях.

– Я примерно этого и ожидала, – не удивилась она. – Значит, скоро выступаем?

– Завтра день на сборы и с утра в путь.

– Ну и хорошо, а то воины начинают от бездействия разгульную жизнь.

Она заботливо уложила мужа спать. Расположившись рядом, девушка улыбалась своим мыслям. Значит Гуль- на остаётся в орде болгар. Это была хорошая новость. Хотя ей и так было понятно, что никуда Павлик от неё не денется. Но всё же сердце неприятно споткнулось при упоминании имени болгарской принцессы. «Неужели она способна на ревность? Ну вот ещё!» – недовольно хмыкнула королева.

9

Опять заскрипели колёса повозок. Солнце было уже иным. Духота спала. На землю неторопливо опускалась осень. Трава в степи ещё не пожелтела, но стала сухой и острой, будто лезвия кинжалов. Орда переселенцев подходила к Борисфену. Пора думать о переправе. Словно оправдывая ожидания уставших путников, наконец-то показались волны долгожданной реки.

Стоя на берегу Днепра, Павел вспоминал другую реку. Она находилась от него на невиданном расстоянии. Называлась эта река Амур-Батюшка. По своей величавой могучести и ширине своей Амур ни в какое сравнение не шёл с Днепром. Увидит ли он вновь родные берега?

Как-то летом, после окончания занятий в школе, он поехал отдохнуть к друзьям своих родителей в старое амурское село Нижнетамбовское. Практически всю дорогу Паша не уходил с верхней палубы «Метеора». Красота высоких берегов, покрытых вековыми деревьями, завораживала. На фоне этой мощи наглядно проявлялась вся недолговечность и хрупкость человеческого бытия. После того путешествия, много рек и речушек повидал лихой диверсант. Иные приходилось форсировать под огнём противника. Но в душу юного Павлика на всю жизнь вошла суровая красота родной реки. Нет на земле рек, равных родному Амуру. Это точно. Павел тяжело вздохнул и направил коня к Аспаруху.

Болгарам и руссам было не впервой форсировать подобные преграды. Беспреданно кочуя по родным степям, они не раз переправлялись через Дон и Кубань.

Аспарух уже отдавал команды. На берегу разворачивался лагерь. Руссами руководил опытный в таких делах Грут. Все действовали быстро и слаженно.

– Тот берег Борисфена уже славянский, – указал хан плетью на противоположную сторону Днепра. Сегодня отдыхаем. Готовим плоты, а завтра надо будет послать на ту сторону несколько сотен. Узнать обстановку.

–

Сам пойду с этими сотнями, – загорелся Павел.

Аспарух, усмехнувшись, лишь покачал головой.

–

Я в этом и не сомневался!

Утром, едва свежий ветерок разметал над Днепром последние клочья тумана, три сотни спецназовцев Павла вошли в воду и, держась за гривы лошадей, начали переправу на другую сторону. Чтобы облегчить работу лошадей, на бока были подвязаны бычьи курдюки, накачанные воздухом. А уже на курдюки было приторочено оружие и броня, а также запас пищи на три дня.

Сотнями командовал верный Драгмир. Для налаживания контактов с местным населением Павел взял с собой Неждану и сопровождавших её подруг. Вода была восхитительно тёплой. Плыли легко и свободно. Правда, течение сносило воинов ниже того места, где они начали форсировать водную преграду.

Такой же плотной группой сотни одна за другую выбрались на противоположный берег. Мгновенно рассредоточившись, четыре десятка воинов направились в разные стороны. Разведка начала свою работу.

Павел обратился к Драгмиру.

–

Коль нас сюда вынесло, то и остальных прибудёт к берегу примерно в этом районе. Значит, будем расширять плацдарм. Бери две сотни, организуй оборону. Всё внимание на разведку. Я же со своей сотней попытаюсь отыскать какое-нибудь поселение.

-

Я всё понял, король. А искать славян не имеет смысла. Они вокруг нас. Мне кажется, я даже слышу, как скрипят натягиваемые тетивы луков.

-

Вот и мне так показалось. Прикажи сотникам, чтобы отдали команду десятникам без суеты и паники надевать брони. Лошадей с коноводами к берегу.

Через несколько минут раздались резкие команды и, закованные бронёй ряды, сдвинув щиты, встали монолитом. Ощетинившаяся копьями, стальная лава выглядела внушительно и грозно. По листве прибрежных кустов и деревьев пробежала лёгкая волна.

-

Перегруппировываются, – повернулся Павел к Драг-миру. – Не ожидали такого фокуса, теперь уж поздно пить «боржом». Если только танки на нас пустят.

– Долго думали, – согласился Драгмир.

-

Не будем тянуть время. Вдруг у какого-нибудь из «встречающих» нервы не выдержат.

Павел решительно шагнул за ограждение. Следом, прикрывая его щитами, вышли два телохранителя.

Павел развернул свой щит внутренней стороной наружу – знак мирных намерений и подняв его над головой:

-

Я вождь руссов Само. Мы знаем, что вы ждёте нас в засаде. Наши намерения чисты. Мы не хотим крови. Я бы хотел говорить с вашим вождём. Он может выйти без опаски в сопровождении любого количества людей.

Спустя несколько минут из кустов на берег выступил здоровенный детина с бородой по самые глаза. Два воина, облачённые в броню, с топорами и щитами в руках прикрывали своего вождя.

– Я – Родовит. Старейшина рода Рассомахи. Вижу, гость, на хазарина ты не похож. Можно и поговорить.

«Хазары уже и здесь побывали», – отметил для себя Павел. Его это устраивало. Если мой враг и тебе враг, значит мы кореша по жизни.

Павел смело направился навстречу Родовиту. Чего горло драть? Разговор должен быть спокойный и обстоятельный. Родовит, в свою очередь, так же не спеша, двинулся навстречу. Лениво переваливаясь на ногах-тумбах, он внимательно разглядывал незнакомцев. Что за новая напасть свалилась на их головы?

Узнаю родную славянскую душу, – усмехнулся Павел. – Лишний раз не разбежится.

Наконец, они сошлись, остановились в метре друг от друга. Постояли, молча изучая друг друга. Результат осмотра удовлетворил обоих.

– Ваше войско на той стороне к переправе готовится?

– Наше.

– Не пустим.

– Отчего же?

– Земля наша. Предки ею владели и нам завещали.

– Мы не воевать идём на вашу землю. От беды уходим. Хазары одолели нас. И хоть храбро бились наши воины, но хазар числом много больше нашего. Пришлось, чтобы не сгнуло племя наше, уходить вместе с жёнами и детьми с насиженных мест. А вас хазары беспокоят?

– Пошаливают иногда. Бывает, жён в полон утащат. Сильно не даём им разгуляться. Отпор налаживаем.

– Ну, сейчас и вам нелегко придётся. Они с нами и болгарам управившись, за вас примутся. Известное дело, народ разбойный, привыкший саблей да топором жить.

– Не впервой. Какой только напасти на нашу голову не было. Уличиских родов много. Ну, а вы дальше то, как думаете?

– Если с вами миром договоримся, хотим пройти дальше через тиверцев во Фракию. Византия сейчас слаба. Авось потесним их немного.

– Ну, коли от беды бежите да злого умысла не имеете, отчего же не пропустить. Пропустим.

– А знаешь ли ты вождя военного Сувора?

– Как не знать знаю. По соседству живём. Вместе в походы ходили. А ты откель слышал о нём? Неужели его дела славные и до вас дошли?

– Скажу честно, про дела его не слышал. А вот есть ли у него дочь? Нежданой кличут.

– Была у него дочь Нежданка. Да уворовали её разбойники степные.

– Побили мы её обидчиков. Со мною она, домой возвращается. А вместе с нею полонянок славянских с детишками множество.

– Да ну? Вот радость отцу с маткой будет. Может среди них и наши бабы есть?

– Может и есть. Неждана здесь, со мной. Если желаешь, поговори.

– Как не желаю! – выказал нетерпение Родовит.

Павел повернулся к одному из своих воинов:

– Зови сюда Неждану с подругами.

Ожидая девушек, вожди степенно расспрашивали друг друга о жизни, о хазарах. Чуть ли не бегом примчались подружки. Неждана с ходу повисла на шею Родовиту.

– Дядька Родовит! Уж не чаяла землю родимую вновь увидеть. Если бы не король руссов, поклонилась она в сторону Павла. По щекам девушки бежали слёзы.

– Ну, будя, будя, – растроганно гладил её по спине вождь.

Он, как и все мужчины не любил женских слёз, – гляди-ка, справная какая стала, словно и не в плену была.

Павел, со своими телохранителями, деликатно отошёл в сторону. Пусть поговорят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.